

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

НАПРЯЖЕНИЕ
РАСТЕТ

Annotation

Слишком много силы в крови одаренных, их слово способно начать войну, остановить кровопролитие, быть гарантом мира и крепкого союза. Максим, потомок княжеского рода, ради исполнения пророчества преданный забвению и вычеркнутый из родовой записи, следует предназначению. Грядет большой турнир на землях империи, собирая лучших из лучших представителей клановых школ и лицеев. Грандиозный приз и честь стать первыми заставят рискнуть немалым вступительным взносом, а запрет на использование дара станет лучшей проверкой воли и храбрости участников. Для Максима, собравшего свою команду вопреки всем канонам и боевым рангам, главным призом станет просто дружба. Ведь, собственно, он для этого все и устроил. А сопутствующий тому урон — уже дело тех, кто полагает турнир своим.

Владимир Ильин

Напряжение растёт

© Ильин В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Большая вода неторопливо отступала, обнажая каменистое дно, заваленное серым булыжником. Вскоре медленный выдох северной реки сменится вдохом, и русло наполнится вновь — как было вчера, как было сотни лет назад. Природа несуетлива и не любит перемен. В отличие от людей.

— Долго еще? — сверкнув позолотой часов на цепочке, поинтересовался щегольски одетый молодой человек.

Ему было холодно в отлично сшитом костюме, его ноги мерзли в модных штиблетах, а злой ветер то и дело норовил сорвать шляпу.

— Еще полчаса, и пройдем, — сверившись с солнцем, степенно заверил невысокий кряжистый мужчина. Но не удержался и тоже щелкнул овалом часовой крышки, полюбовался на дорогой подарок. Смотрителю забытого всеми заповедника нравилось выглядеть как гости из столицы. Он копировал их жесты и слова, дымил тоненькими сигарами, не чувствуя вкуса, и даже оделся похоже — в первый свой визит гости подарили достаточно, чтобы заказать отличный костюм и сейчас гордо вышагивать в нем по бережку реки. Картину портили только высокие охотничьи сапоги с заправленными в них отглаженными брюками, но это уж дураков нет — по такой погоде морозить ноги.

Услышав прогноз, рядом зябко поежились спутники аристократа. Городские жители — таким легкий ветер уже непогода. Хотя по виду — все до единого плечистые, опасные, да еще с грозным, выпирающим углами оружием под запахнутыми поплотнее коричневыми пиджаками. Но не бандиты, нет. У аристократов все по закону, и право на стреляющие игрушки для себя и свиты дается им с колыбели. Возможно, смотрителю тоже подарят красивый хромированный пистолет — он на это надеялся. Оттого помогал всеми силами. И не замечал того, что по долгу службы должен бы был увидеть, а по совести — доложить.

— Если этот не врет, — буркнул один из свиты, косясь на инвалидную коляску со стариком и суетящегося рядом врача.

Пожалуй, не холодно в этой странной группе было только этим двоим. Доктор запахнул поверх белоснежного халата теплую куртку и вполне комфортно переносил бодрящую северную погоду начала лета. Второму же было все равно — лицо закрывала маска, снабжающая легкие дикой смесью обезболивающего и наркотика.

Иногда тело старика пробирала мелкая дрожь, не от холода, от ненависти к окружающим, но в эти моменты сопровождающий отворачивал вентиль баллона, соединенного с маской. После этого тело, завернутое в грязное тряпье, некогда бывшее элегантным бежевым костюмом, вновь безвольно замирало, позволяя тихонечко вздохнуть всем окружающим.

— Сколько там, сантиметров двадцать глубины? — нетерпеливо спросил аристократ, глядя на скальный выступ, от которого лениво откатывала волна.

Большой валун, принесенный сюда движением ледников, некогда сковывавших мировой океан, в моменты прилива казался небольшим островком и только на несколько часов отлива показывался в полный рост, скалясь трехметровым черно-зеленым клыком в небо.

— Десять — пятнадцать, — прикинул смотритель.

— Так пойдем, — решил его новый знакомый и первым ступил в черно-зеленую слякоть обнажившегося дна.

— Осторожнее, господин! — всполошился смотритель и даже хотел было предложить свои сапоги, но вовремя одумался — высокородным простуда не страшна, а ему мерзнуть не след. — Там могут быть ямы!

— Да плевать. — Аристократ обернулся. — Что встали? Коляску на руки, и за мной! — И, уже не оборачиваясь, зашагал к скале, не сомневаясь в исполнении отданного приказа.

Молодой аристократ шагал по воде, высоко задирая ноги, но упрямо продвигался к близкой цели. Плевать на холод, его дар не позволит заболеть. Плевать на воду, одежду и обувь можно будет просушить в вертолете, который дожидается их на одной из лесных полян. На слуг плевать тем более, он все равно оставит их здесь — не важно, в воде или у вертолета — в зависимости от того, каким окажется приз и насколько тяжело его будет нести одному.

Он не знал, что должно быть внутри. Но верил, что причина уничтожения целого рода стоит его усилий. Если этого настолько боялись... то он определенно хочет этим владеть.

— Что, старик, помнишь, а? — улыбнулся он коляске.

Маска на лице одурманенного чуть заметно дернулась, но умный и злой взгляд свидетельствовал о жизни разума в скованном теле.

— Мы тут почистили прошлый раз. — Аристократ махнул рукой на расчищенную от зеленой патины плоскость, испещренную неглубокими сколами — следами работы инструмента. — Но твоя старуха открыть не смогла, — с досадой добавил он, отряхнул и вновь надел шляпу.

Старик резко дернулся и чуть не вывалился из кресла.

— Док, какого черта?! — запаниковал щеголь, отскочив назад.

— Сейчас, сейчас, — засуетился врач, откручивая вентиль баллона, идущего к маске.

В легкие старика ударила новая порция дурмана, лишая подвижности одно из некогда самых страшных существ этого мира.

— Да что ты делаешь, урод, он же соображать не будет! — разозлился босс, крошечным огненным шаром скидывая ярость в воду.

Ноги обдало приятным теплом, а воздух, вторя боссу, мерзко зашипел облаком пара.

— Не сомневайтесь, господин, будет! И говорить будет! — подобострастно поклонился док, выуживая из кармана многоцветный шприц и ловко вставляя в него ампулу с грязно-желтой жидкостью. — Полчаса гарантирую.

— Смотри у меня, — успокоился молодой аристократ и нервно вздохнул. — Старик, что ты дергаешься? Я же обещал привести тебя к пропавшей жене. Вот, слово мое нерушимо, — шутливо, но с определенной опаской, он повел рукой вокруг. — Где тело, извини, не знаю. Снесло водой, сам понимаешь.

Доктор ловко закатал рукав, обнажил руку старика и привычно сделал инъекцию.

— Давай, открой нам хранилище, и я отправлю тебя вслед за старухой, быстро и без мучений.

— Ты проклят, — прохрипел старик непослушными губами, стоило только злой химии влиться в кровь, а маске немного отойти от лица.

— Я не верю во все эти клятвы, — как маленькому, объяснил щеголь. — И знаю другие источники Силы, кроме чести. Например, целесообразность.

— Ты умрешь...

— Как и все, — не стал отрицать аристократ. — Но мне хватит времени, чтобы сделать жизнь твоих потомков невыносимой... если ты станешь упрямиться.

— Они... Не знают...

— Да мне плевать, знают они о хранилище или нет, — поджал губы щеголь. — Я убью их из-за твоей несговорчивости, старик. Как убили весь твой род. — Он махнул рукой на скалу. — А туда я все равно доберусь.

— Я открою... — после долгой паузы ответил живой труп.

— Поднесите его ближе, — тут же распорядился молодой и тоже зашагал к валуну, чтобы обойти слуг и видеть, что делает его пленник.

Пленник не сделал ничего, только прижал ладонь к массиву скалы — да и то это проделали за него слуги, выполняя еле слышное указание.

Скальный монолит дрогнул.

— Ох ты ж... — прошептал наблюдатель.

— Стоять на месте! — прикрикнул молодой аристократ, с восхищением глядя, как с тихим рокотом обнажается прямоугольный лаз в десятке сантиметров над водой.

Через две минуты движение камня закончилось, обозначился узкий проход с лестницей, уходящей вниз, под дно реки, а судя по глубине и изгибу, виднеющемуся в отсветах ручных фонарей, поворачивающей обратно, под берег.

— Ты, живо вперед, — толкнул молодой наблюдателя. — Иди и говори, что видишь.

Тот обернулся, недобро прищурился, но спорить не посмел.

— Черный камень без единой щели, господин. Проплавили, не иначе, — медленно ступая, докладывал он обо всем, что видел в свете фонаря, подбадривая себя громким голосом. — Стена теплая, как живая.

— Под землей всегда тепло, — нетерпеливо оборвал босс. — Что за поворотом?

Наблюдатель дернул щекой от досады — была надежда, что его заменят. Достигнув поворота, отчитался, доложил, что следующий пролет завершается коридором. И тут же получил распоряжение проверить коридор. Как же, заменят...

— Тут еще одна дверь, господин! — чуть повеселев, крикнул он, вытирая смятой в руках шляпой пот со лба и молча кляня себя за нерасторопность — мог бы и позади встать, тогда под руку попался бы кто-то другой. Но вроде обошлось... Повод для радости имелся существенный — он все еще жив. Родовые хранилища отличались редкостными мерзостными ловушками, о чем знали все. Но спорить с господином — означало в лучшем случае позабыть про хромированное оружие и дорогие подарки, а в худшем... В худшем то же самое, только идти в подземелье пришлось бы под страхом смерти.

— Старик, что за дверь? — затормозил аристократ то ли уснувшего, то ли вновь скатившегося в наркотическую зыбь пленника.

— Нетерпелив... — так и не открыл тот глаза.

— Заносите его внутрь, — нахмурился щеголь, подумал немного — не лучше ли подождать отчета тут или стоит увидеть сокровищницу первым? И не смог обуздать алчность.

Тело предусмотрительно закрыл щит Силы, оберегая своего хозяина от возможных сюрпризов.

Чтобы открылась новая дверь — железная, обитая заклепками, — тоже хватило прикосновения старика. Массив металла почти метровой толщины скользнул в сторону, вызвав у присутствующих пораженный вздох. Все были потрясены как совершенной конструкцией, так и осознанием того, что пробивать такую мощь, да еще рискуя обрушить свод пещеры под рекой, было бы самоубийством. Но все мысли моментально испарились при взгляде на содержимое комнаты, расположенной сразу за дверью — осталось только

растерянно выдохнуть и простецким жестом почесать макушку.

— Старик, ты гнил в долбаной Австрии, в долбаном приюте для престарелых, имея это?! — возопил босс, пинком откидывая в сторону пирамидку золотых слитков с мизинец размером.

— Вот это да.... Твою же... Не верю... — охали слуги, разглядывая несметные сокровища, сверкающие в лучах фонарей.

Даже смотритель невольно поддался очарованию богатства и попытался выудить из кучи серебряную вазу с золотым узором. Не вытащил — тяжелая.

— Господин, посмотрите, — непочтительно затормошил босса доктор, показывая лучом фонаря на дальнюю стену с широким столом в самом углу.

В овале света под слоем пыли тускло блестели, поглядывая на гостей крупными самоцветами, странные предметы, разложенные на поверхности.

— Артефакты! — ахнул босс, нетерпеливо растолкал слуг и направился к столу. — Старик, вы идиоты! Вас не зря вырезали! Иметь такое... такое... И не победить! Я бы смел половину мира, а вторую купил бы!

Замерший в кресле полутруп поднял веки, вновь их закрыл и одними губами прошептал фразу, до которой никому не было дела.

— Все... проклято...

Вокруг него откровенно резвились, швырялись золотом, серебром, украшениями, пока начальственный голос не повелел прекратить, потому как надо немедленно все выносить, иначе прилив вновь запечатает скалу.

Через минуту группа слуг, нагруженная самым ценным — артефактами той эпохи, когда допускалось применять все, что вело к власти и силе, — под бдительным оком господина покинула хранилище. Сейчас даже на личных территориях княжеств, в защищенных от бдительного взора императора убежищах, подобного себе не позволили бы. Потому что новую вещь, выкованную на крови и боли, рано или поздно заметят, и наказание не заставит себя ждать. Но старое, древнее — этим дозволялось пользоваться. Если хватит духа.

— Посторожи тут пока, мы быстро. — Щеголь напоследок похлопал старика по плечу и положил свой фонарь на безвольное перекрестье рук.

Через пару минут шаги затихли. Еще через десять минут старик пошевелился. Невероятным усилием разум заставил мертвое тело жить и подчиняться. Не ради жизни, ради чести.

Под скрип инвалидного кресла некогда могучее тело поднялось на ноги, но рухнуло на коляску вновь, на этот раз сбоку. А после новой попытки старик смог, став сзади, упасть грудью на спинку кресла, после чего зашагал к видимой только ему одному цели — голой стене слева от входа.

На середине пути пол и стены резко трянуло, посыпалась известка с потолка. Позади послышался сильный удар металла о камень — это двери поспешили закрыться.

— Охраняется... не нами... — упрямо продолжая путь, шептал старик. — Заперто... не нами. Заперто... не от нас. — Он делал шаг за шагом, опираясь всем телом на кресло. — До тех пор... пока не будет... нарушено слово!

Последние фразы он говорил монолиту стены, упираясь в него лбом. Каталка валялась рядом, отброшенная яростным жестом. Свет упавшего фонаря отбрасывал огромную тень, изменявшуюся от каждого движения старика, — будто не он, а человекообразное чудовище сейчас тяжело дышало в подземелье мертвого рода.

Старик залез тремя пальцами себе в рот и выщелкнул нижний коренной зуб.

Керамический ключ блеснул слюной — там, где полагалось быть корню, стоял витой стержень с десятком насечек на нем. Через секунду ключ, упрямо удерживаемый дрожащими руками, вжался острием прямо в поверхность стены. И глухая поверхность без единой трещинки и щели будто сдалась чужой воле, протаяла и приняла ключ в себя.

Плоскость вздрогнула, медленно заскользила внутрь. Только тогда старик позволил себе рухнуть на пол, не спуская взгляда с открывающегося лаза. То, что было великой надеждой рода, но стало его великим проклятием, получит шанс забрать души его врагов. Тех, кто дал слово, но не уследил за жизнью его жены. Слово... Нарушено...

— Лида...

Каменная плита скользнула вбок. И старое зло с гулом вдохнуло воздух нового тысячелетия.

Спустя тринадцать лет после открытия тайника

Бледно-розовая вода стекала по эмали раковины, унося вместе с прохладой грязь и боль, затаившуюся в разбитых пальцах. Из зеркала хмуро поглядывало отражение — растрепанное, в порванном костюме, без пуговицы на воротничке рубашки, со сбившейся набок алой бабочкой.

— Как первое сентября? — бесшумно появился за спиной старик.

— Было интересно, — поделился я впечатлениями.

— Познакомился с классом? — без особых эмоций спросил он, доставая из шкафа справа от зеркала две стерильные упаковки и антисептик.

— Кое с кем.

Мои руки легли на предложенное им полотенце и были аккуратно освобождены от влаги.

— Как они тебе? — Наставник сноровисто наложил мазь и теперь бинтовал правую. — Вот тут придержи, вот так.

— Дружные, — поморщился я от прикосновения ткани.

— Один за всех? — поднял взгляд мой учитель, домоправитель, а теперь еще и врач.

— Все за одного, — пожал я плечами, подставляя другую руку.

— О чем спорили?

— О различиях между людьми. Вот тут немного давит.

— Сейчас лучше? — поправил он узел.

— Да, спасибо. — С искренней признательностью я посмотрел на плотные, похожие на варежки, повязки.

— Хоть не на уроке спорили? — Старик строго глянул на меня.

— В парке спорить удобней.

— Тогда ладно, — вздохнул он спокойно. — И что, отличаются люди?

— Если очень сильно настаивают на своем, то да.

— Чем же? — поинтересовался учитель, складывая перевязочные материалы обратно в шкаф.

— Разбитым носом. Хотя они что-то говорили про происхождение и право приказывать.

— Вот как, — старик досадливо пожевал губами. — Впрочем, я примерно так и представлял. Час назад к воротам подъехали две машины, постояли, полюбовались на княжий щит над калиткой и усвистали по своим делам. Почему-то сразу на тебя подумал.

— Чуть что — сразу я?! — искренне возмутился, покидая ванную комнату.

— Потому что все остальные уже были дома, — назидательно поднял наставник палец вверх, выходя следом. — А потом приехала машина из школы и забрала твоего отца. В связи с этим у меня два вопроса.

— А покормить?

— Переоденься в чистое и пойдем, — покладисто согласился домоправитель, помогая снять костюм. Перевязанные руки не добавляли ловкости. — А пока переодеваешься, ответь мне, отрок, где была твоя голова?! — звенящим от еле сдерживаемой ярости голосом сказал он прямо в ухо.

— Била в переносицу главному, — буркнул я, отводя в сторону взгляд.

В таком состоянии с ним лучше не спорить. Все-таки заслуженный преподаватель, сорок лет стажа — ему такие, как я, на один зуб.

— Головой надо думать, а не бить! Хоть иногда! Они живы?!

— Дышали, когда уходил, — неохотно ответил, кутаясь в расстегнутую рубашку и не торопясь из нее вылезать.

Так отчего-то было легче — прямо как под одеялом в детстве.

— Ты должен был уйти два часа назад! — Меня силком вытащили из моего ненадежного укрытия.

— Так я и ушел. — Настал черед майки обеспечивать мою безопасность. Ее-то я надежно держал руками, потому что знал, какой последует вопрос.

— И где ты был все это время?!

— Гулял.

Материя не выдержала и с треском разорвалась по шву. На меня грозно смотрели синие глаза.

— В таком состоянии? Ты понимаешь, что в раны могла попасть инфекция?! О чем ты вообще думал!

— Об алиби, — тяжело вздохнув, признался, поднимая взгляд.

Все-таки не чужой человек. Хотя месяца два назад был вполне себе чужой — сидел с коробками, заполненными учебниками и одеждой, дожидаясь транспорта для переезда. Тут-то его папа и заметил, заинтересовавшись обилием школьной литературы. Нам как раз нужен был репетитор — для меня, а дедушка смотрелся если не как бывший директор, то как заслуженный учитель. Вот и поговорили они о погоде, о делах. А прибывшая через десять минут машина отвезла все добро старика не на вокзал, как до этого планировалось, а к нам в дом.

Отец прямо светился от радости — в чужом городе найти хорошего специалиста очень сложно. Тут знакомства нужны, а где их взять? Да и хорошие люди — они без дела не сидят, все на своих местах. Иначе какие они хорошие? Так что столкнуться прямо на улице с нужным человеком, имеющим кучу рекомендаций, а потом еще убедить его отложить поездку на юг ради моего обучения — серьезный повод для радости! Для всех, кроме меня. Потому что учитель оказался страшным человеком с тяжелым нравом и металлической линейкой, которой умел громко стучать по столу. Меня он бить не мог, хотя наверняка хотел — я ведь ничего толком не знал по огромному числу предметов. А не мог он этого делать по договору с нашей семьей — оказывается, личные учителя, они как врачи. И, как врачи, не имеют права вредить подопечным, а также рассказывать о том, что слышали или увидели во время своей работы. Потому наставника легко пускали за общий стол, обсуждали вместе с ним самые разные вопросы, частенько получали дельные советы, а через две недели как-то и вовсе стали считать членом семьи. Опять же — все, кроме меня. Я взрослым не особо верю, а уж бывшим школьным директорам — тем более.

Мое отношение изменил Федор, мой новый брат. Новый — не потому, что новорожденный, а из-за того, что старого никогда не было, как и семьи. Месяц назад появилась — то ли они меня нашли, то ли я их. Просто там, в руинах полуразрушенного города, среди толп беженцев, которых записывали в добровольное рабство, я был нужен им, а они — мне. Потом оказалось, что мы действительно нужны друг другу — осиротевшая на маму семья из брата, двух сестер и отца нуждалась в ком-то, кто сможет отвлечь от не затянувшейся раны, а я всю жизнь мечтал услышать слова «сын» и «брат».

В общем, брат сказал, что я зря боюсь старика. Был бы Федор просто добрым и умным парнем, которым и является, я бы просто потрепал его по волосам (а я и не удержался!), а потом делал по-своему. Но Федор, как и вся семья, не совсем обычные — они видят «Искру Создателя» внутри вещей. Не знаю, что это такое, — так и не разглядел ни разу. Дар помогает создавать волшебные предметы, собирая самоцветы с «искрой» в красивые украшения, способные защитить и уничтожить, ободрить и ослабить. Говорят, в нашей империи всего шесть семей, способных делать такое, и не всякому их работа по карману.

У меня тоже есть своя «искра» — между пальцев, обрадовавшись, что о нем вспомнили, незаметно крутанулся крохотный электрический огонек. Есть свой талант, доставшийся от родителей, которых я никогда не знал, но обязательно найду... Но все это — видимое остальным людям.

А Федор вдобавок различал «искры» в людях, и, как он признался по секрету, те «искры» тоже бывают очень разными, у хороших и плохих, сильных и слабых. Потому меня легко приняли в семью, буквально через полчаса после встречи. И потому, наверное, мне не следовало бояться нового учителя. Федор сказал, что внутри у него сияет суровое пламя — почти белое, с легким алым отливом, сжатое в тугий ком красными и желтыми лентами. Но когда старик смотрит на меня, его «искра» наливается нежно-зеленым и стихает, как шторм внутри векового леса. Брат умеет красиво говорить, хоть и вдвое младше меня.

Для меня все это было настолько необычно, что я перенял отношение семьи к старику и с осторожностью принял его в друзья. Сразу стало легче учиться — другу можно признаться в своем незнании или попросить еще раз все повторить. С учителем так вроде бы нельзя... Наверное... Никогда не учился.

В интернате, где я жил до этого, мое имя упоминалось только в медкарте донора, спрятанной там же, где и изъятое из архива личное дело. Меня как бы не было, а значит, и учить было незачем. Все мое существование сводилось к тому, что я должен был подарить еще несколько лет жизни очень богатому человеку. Но я учился им назло, только не химии и литературе, а сложным процентам, с помощью которых управлял должниками, прикладной химией для производства товара, экономикой подпольной продажи — в интернате много свободных рук, а у меня были много свободного времени и воля. Наверное, поэтому я выжил, а мои враги — нет. Только моих знаний недостаточно, чтобы пойти в школу, как и положено нормальному человеку в нормальной семье. Чтобы это исправить, как раз и требовался учитель.

За пару месяцев сложно усвоить достаточно для того, чтобы не смотреться странно в новом классе, но я очень старался и занимался с перерывами только на сон и еду. Получалось, что со стариком я виделся и разговаривал гораздо чаще, чем с семьей, и вскоре дружба переросла в доверие — достаточно, чтобы предупредить, что ничем хорошим этот восьмой класс для меня не кончится. Не поверил.

— Так, — тяжело вздохнул учитель, откидывая обрывок майки на пол и падая в кресло. — Ты побил... Сколько там их было?

— Трое. — Я повернулся к шкафу за одеждой.

— Побил троих одноклассников. А затем ушел создавать себе алиби, я верно понимаю? Ты их, случайно, дубиной по голове не треснул, чтобы им память отбило?

— А что, так можно? — заинтересовался я, повернувшись.

— Максим! — рыкнул наставник тем самым голосом, после которого всегда хотелось сесть прямо и усиленно решать задачи. — Зачем тебе алиби, если они прекрасно помнят

твое лицо?!

— Да мне не для них, — отмахнулся я.

— Очень интересно, — сардонически хмыкнул старик. — А для кого же?

— Я имею право хранить молчание!

— Предлагаю сделку — ты говоришь мне чистую правду.

— И? — Я настороженно ожидал продолжения.

— На этом сделка заканчивается.

— Так себе предложение. — Подыскав в гардеробе целую майку, шустро натянул ее на себя, накинул рубашку.

— Зато я всем скажу, что ты был все это время в саду, в этой деревянной коробке на дереве.

— Это штаб!

— Хорошо-хорошо! — поднял он руки вверх.

— Да говорите, что хотите, — буркнул я, застегивая пуговицы на рубашке. — Я вам сразу сказал, не мое это — школа.

— Школа необходима, — ввернул старик поучительный тоном. — Как и высшее учебное заведение. Они дают навыки общения и социализации, плюс знания.

— А морды бить — это общение или социализация?

— Скорее, второе, — осторожно произнес он.

— Так директору и скажу, — качнул я головой.

— Но школа как раз учит искать способы решения конфликтов без драки. Доказывать свое мнение в дискуссии, а не на кулаках!

— Да понял я, — вздохнул, надевая домашние брюки.

— Так для чего тебе нужно было алиби?

— Да этот, Пашка, хвастал, какой у него отец крутой. И корабли у него большие. — Я поправил штанину и застегнул ремень. — Богатые они. И охрана его встречает-проводит каждый день.

— Просто так хвастал? — уточнил старик. — Ты ничего ему не говорил?

— Угу. Я же пешком пришел и пешком собрался уходить. Он ведь не знал, что мы в трех минутах от школы живем, думал, на остановку иду. Вот и начал друзьям рассказывать, что вот такие будут ему служить и трюмы, когда вырастут, драить на его корабле. Мы поспорили. Я сломал ему нос. Потом я сломал носы его друзьям. Потом я сходил в порт и затопил его корабль.

— Нет, в целом ты прав... Что?! К-какой корабль?!

— Там на борту герб, как у Пашки на лацкане формы. Большой такой корабль, — очертил я руками силуэт. — С кучей контейнеров.

— Так, — закрыл учитель глаза.

— Да никто не видел, — пожал я плечами.

— Как. Можно. Не. Заметить. Тонущую. Баржу?! — отчеканил он фразу.

— Так там нефтяной танкер горел, ничего же не видно.

— Максим!!!

— ... А танкер врезался в баржу. Там людей уже не было — рулить некому, все на берег ушли.

— Еще что-нибудь ценное пострадало? — Старик начал массировать себе виски.

— Бабочка моя, — вздохнув, я погладил чуть потемневший алый лепесток ткани. — Но

вроде еще можно отстирать. Пара нитей, правда, совсем закоптилась. Или мне кажется?

— Максим!!! Ладно. Стоп. — Он с силой провел ладонями по лицу. — Я тебя разве не учил, что нельзя топить и сжигать корабли?

— Нет, — честно попытался припомнить все уроки. — Зато мы разбирали основы пожарной безопасности. Представляете, они их совершенно не соблюдают!

Из-под ладоней донесся тихий стон.

— Если тебя узнают... Ты хоть понимаешь, что будет? С тобой, с твоей семьей? Если бы сегодня не было над воротами княжьей защиты, нас всех уже могли сжечь!

— То есть им можно сжечь нас, а мне нельзя топить их корабли? — напрягся я.

— Мы живем в мире, где нельзя доводить дело до драки, до пожаров и смерти, до утонувших кораблей!

— Где простолюдины служат, а аристократы правят?

— Не так! Это детские слова, слова мальчишки, который совсем ничего не понимает! И ваша драка — детская ссора, которая должна таковой и остаться!

— Но в наш дом приехали до того, как я добрался до порта, — холодно заметил в ответ. — Значит, не все детские дела остаются детскими.

— Поэтому старайся разрешать все конфликты на словах, — обескураженно отвернулся учитель. — У тебя странная школа. Там не должно быть таких детей. И таких родителей. Они обычно сходят с ума, если жизнь ребенка под угрозой. Но могут простить обидчика, если поединок велся честно. Только прощение иногда приходит после глупого и жестокого поступка.

— То-то я Пашку уже полчаса как простил.

Старик жег меня хмурым взглядом.

— Забудь этот момент своей жизни. Даже не вспоминай, что это случилось из-за тебя! Заруби себе на носу — оно само, ты тут ни при чем!

— Это мое жизненное кредо, — важно отозвался я, но предпочел притихнуть, учуяв очередную волну гнева.

— Скорее всего, твой Пашка больше к тебе не полезет, — успокоился учитель.

— Из-за боли?

— Из-за герба над нашими воротами, — отрицательно качнул наставник головой. — Отец ему запретит. А сегодня еще директор предупредит других родителей. В произошедшем был и его просчет.

— Главное, чтобы к мелким не лезли, — вздохнул, вспомнив Федора и сестер — как прошел их день, я пока не знал.

— Но даже не мечтай, что все для тебя этим закончится! Если отец Пашки мелковат душой, он постарается тебе тайно отомстить. Сейчас вряд ли, ты ему создал проблемы... Но потом, когда он со всем разберется...

— Ну, у него еще много кораблей, — рассудительно заметил я.

— Максим! Даже думать не смей!

— То думай, то не думай... — заворчал я для порядка, бросая испорченную одежду в корзину.

И вообще, надо прибраться. Скоро отец придет из школы, а ведь каждый знает: чистая комната — это первое смягчающее обстоятельство.

— Думай! — хлопнул старик ладонью по колену. — О последствиях в первую очередь. Следи, что у тебя за спиной! А еще лучше — устрой новую драку и проиграй Пашке.

— Исключено.

— Тогда подружись с ним! Найди в нем хорошее. Ведь не бывает совсем плохих людей, верно? — вкрадчиво спросил учитель и просительно посмотрел мне в глаза.

— Бывают, — припомнил я свое прошлое.

— Пойми, работая кулаками, ты наживешь себе только врагов, — с напором произнес он. — У этих врагов будет могущественная родня. Если о себе не думаешь, о семье вспомни — месть, она ведь не только по тебе ударить может.

— И как подружиться? — без энтузиазма спросил я. — Там уже свои компании, группы по интересам. Я пришел чужим сегодня утром и таким же ушел.

— Ни с кем не поговорил? Ну, кроме этих троих.

— Говорил. Но они странные, скучные. Все как будто собрались жить не сейчас, а года через четыре, когда окончат школу.

— Значит, попробуй увлечь их теми делами, которые интересны тебе! Тяни за собой, становись лидером!

— Как? — вздохнул я, не зная, каким способом это осуществить. — Как мне им понравиться?

— Даже не думай! — вскинулся учитель. — То есть, я хотел сказать, не вздумай стараться нравиться! Не лебези. Будь самим собой и не ломай себя ради других! Они такого совсем не поймут, просто раздавят и перестанут с тобой считаться.

— Тогда вообще не вижу вариантов, — покачал я головой.

Мои старые друзья сделались друзьями безо всяких ухищрений — просто однажды мы стали плечом к плечу.

— Будь источником их побед. Это самый лучший способ, — произнес старик и даже подошел, чтобы положить руку мне на плечо. — За победу тебе простят все и станут лучшими товарищами.

— И где ту победу найти? — искал я ответ в его повеселевшем взгляде.

— Я тебе дал подсказку, остальное делай сам. И вот что, идем есть, второй раз греть я не стану.

Победу, значит. Я на ходу почесал затылок. Хм!

— Я на минутку! — под укоризненным взглядом домоправителя свернул по лестнице направо.

Под ногами закрипели старые половицы. Отец давно грозился все тут починить, но каждый раз откладывал, просиживал ночами в мастерской над княжеским заказом. Дело не в деньгах, работа на хозяина этого города и окрестных земель давала нам защиту — ту самую прямоугольную дощечку над калиткой. Папа посчитал это важным. Ремонт дома он тоже считал важным, как считал важным не делать два важных дела одновременно. Потому паркет на втором этаже скрипел под ногами, стены украшали портреты незнакомых людей, а в подвале пахло сыростью. И неведомо было, когда на ремонт появится время — заказ огромен, отец занят с утра до ночи. Он частенько призывал на помощь брата и сестер. Я тоже рад бы помочь, но ювелирное дело моей новой семьи передается по наследству, как цвет глаз или волос, поэтому меня не звали, хоть и глядели каждый раз виновато и даже приглашали иногда посмотреть на работу.

— Федор, говорят, ты лучший мастер в своем классе? — начал я с лести, предварительно постучав в дверь к брату.

Комната Федора выглядела точной копией отцовской — тот же огромный зал,

разделенный рядом шкафов на кабинет и мастерскую, тот же стол — только чуть ниже, для удобства. И такое же черное кожаное кресло, в котором брат сидел, как на троне, настолько оно было велико.

— Пожалуй, да, — с важным видом сцепил он руки на животе и откинулся на спинку кресла. — Хотя во втором «Б» Женька делает отличные самолетики.

— Не важно, — отмахнулся я от пока не нужной авиации. — Сделаешь мне огромного робота-убийцу?

— 3-зачем? — замешкался брат, удивленно округлив глаза.

— Чтобы он держал в ужасе весь город, а потом я пришел бы и его победил? Ну, не один победил, — тут же исправился, вспомнив о главной цели задумки. — Со мной еще трое будут.

— Это ведь робот должен быть размером с дом. — Брат задумчиво почесал подбородок и пододвинул к себе блокнот и ручку. — Нет, слишком тяжелый, проваливаться станет.

— Так, а если для нападения только на школу? — упростил я задание.

— Это можно, — великодушно согласился он и нацарапал на листке что-то паукообразное. — Вооружение?

— Зубы и хвост, — навис я над его плечом и с интересом наблюдал, как к рисунку добавилось несколько штрихов. — А это зубы или хвост?

— Это зубы на хвосте! — весело заявил брат. — Подвижные части в одном узле! Легко менять.

— Да для одноразового пойдет, — отмахнулся я. — Мне главное его победить красиво.

— С жертвами, без? — деловито уточнил Федор.

— Лучше бы, конечно, с жертвами, но пойдет и сломанная рука. Можно ведь?

— Это задача, — цокнул брат. — Может, руку до нападения сломаем?

— Хотелось бы не мне, — честно признался я.

— Что-нибудь придумаем, — к рисунку добавилась запись мелким почерком: «Ломатель руки! Срочно!»

— И чтобы рычал грозно и гонялся за всеми по коридорам.

— С искусственным интеллектом сложно, — покачал брат головой. — Его еще не изобрели. Только радиоуправление!

— А если посадить внутрь собаку? — задумался я. — У меня Лайка есть. Знаешь, как рычит? И меня точно не обидит.

— Хм... — Федор парой штрихов добавил кабину для хвостатого пилота и четыре рычажных привода для лап. — А ты точно сможешь победить? — засомневался он, поглядывая то на получившуюся конструкцию, то на меня.

— Конечно! — возмутился я. — Это ерундовое дело — одна котлета, и мир спасен.

— А если у кого-то другого найдется котлета?

— Ой, да кто в школе носит с собой котлеты! — отмахнулся я. — Кстати, будешь?

— Тогда может сработать, — признал Федор, отмахнулся от упаковки с бутербродом и дважды подчеркнул результаты предварительного планирования. — Только я сразу все сделать не смогу, мне подучиться надо.

— Время есть, — похлопал я его по плечу. — Месяца два точно.

— А, нормально, — успокоился брат, вывалил на стол толстенный справочник по электронике и открыл его на первой странице.

Одной проблемой меньше.

— Спасибо! Обедать пойдешь?

— Нет, я уже ел, — задумчиво пробормотал он, погружаясь в текст.

Тихонько, чтобы не мешать, я покинул его кабинет, прикрыл за собой дверь и вновь заскрипел по паркету, направляясь на кухню.

— Максим, я в город, — окликнул учитель, когда я проходил мимо. — Уроки сделай, приду — проверю.

Тут же хлопнула дверь, оставив меня наедине со звенящей тишиной дома — верный признак того, что сестры в мастерской у отца. Потом к ним зайду — потому как не тронь лихо и не придется снова переодеваться в чистое. Мелкие сестры унаследовали от Федора привычку забираться на плечи, используя ноги и зубы, а я надеялся предстать перед отцом в приличном виде.

На обед сегодня была разогретая манная каша, щедро политая маслом. Наверное, вкусная — оценил я, однако проверять не решился, отодвинул от себя. Но тут за окном резко затормозила машина, выпуская из задней дверцы разозленного отца, и я с энтузиазмом взялся за ложку. Потому что пока человек ест, его трогать нельзя, это каждый знает.

Раздраженно хлопнула входная дверь, на кухню быстро прошагал папа, нацелился на кувшин с водой. Замер, глядя на меня, увидел замотанные бинтами руки, нахмурился, но так ничего и не сказал, молча взял воду и стакан.

— Зайди ко мне, после того как поешь, — донеслось из коридора.

Резко захотелось добавки этой чудесной и волшебной каши — эдак порции на четыре, чтобы есть маленькой ложкой, дотянуть до ночи и тихонечко просочиться к себе в комнату, а утром улизнуть из дома, пока никто не проснулся. Но это для трусов. Так что, поковырявшись без аппетита и даже кое-что съев (отчего чувствовал себя уже наказанным — если не за танкер, то за драку точно), через полчаса отправился к отцу.

— Ты все сделал правильно, — молча пободавшись со мной взглядами, все-таки выдохнул папа, положив сцепленные замком руки на стол.

Я тихонько сидел напротив, положив руки на колени и выпрямив спину. По бокам адвокатами пристроились Катя с Тоней и сурово поглядывали на отца.

— Но драться — плохо, — скорее для сестер, а не для меня упрямо сообщил он. — Хотя иногда нужно, не спорю. Но делать это лучше по правилам!

— То есть их должно было быть четверо? — удивился я.

Рядом в тон мне хмыкнула Тоня, а Катя осуждающе покачала головой.

— Нет, — сощурившись, словно от головной боли, произнес отец. — Девочки, я вас прошу, погуляйте во дворе полчаса.

Сестры синхронно скрестили руки на груди.

— Да не буду я его ругать! — Не уловив ни единого движения, отец достал ключ из верхнего ящика и отправил его по поверхности стола в нашу сторону. — Можете покататься на машине.

— Ю-ху! — Сестры вихрем слетели с подлокотников, смахнули со стола ключ и мигом испарились из комнаты.

— Только вокруг дома! — обратился отец к закрытой двери.

— Хана машине, — спокойным тоном вынес я вердикт, расстроившись как из-за симпатичного внедорожника, так и из-за двух плиток шоколада, отданных этим легкомысленным существам за защиту.

— Нет, это ключи от гаража, — отмахнулся папа, слабо улыбнувшись. — Пока

разберутся, пока вернутся обратно, у нас с тобой будет минут пять... — замылся он, не зная, как продолжить.

— Что там с правилами? — помог я ему, поудобней устраиваясь в кресле.

— Правила, точно. — Отец потер подбородок, скользнул взглядом по поверхности стола и привычным жестом пододвинул к себе блокнот с карандашом. — Вот смотри, мы все — ты, я, Катя, Тоня, Федор живем в обществе. Как и твои одноклассники. Как и все люди.

Карандаш очертил большой круг посередине листка и остановился в его центре.

— У этого общества есть правила, — продолжил отец, заключая круг в квадрат. — Пока мы придерживаемся этих правил, общество соблюдает их относительно нас. Если мы правила нарушаем, то выходим за грань круга.

— Я понимаю, — кивнул терпеливо.

— Думаю, не совсем, — отрицательно покачал он головой. — Вышел ты за рамки или нет, решаешь не ты. Решают те, кто видит тебя и может свидетельствовать о мотивах твоих поступков. Когда ты побил этих троих в парке, рядом с тобой не было никого, кроме обидчиков.

— И они сказали, что это я все начал? — приподнял я бровь.

— Именно так. — Отец согласно кивнул. — Один из трех детей, Ян, сказал, что ты первый ударил Пашу Зубова. Головой в нос. Я, разумеется, не поверил. — Он поднял руки, пресекая мои справедливые возражения.

— Ссориться надо при свидетелях, — хмуро озвучил я результаты урока.

— Верно, — чуть улыбнулся папа. — Но лучше вообще не ссориться. А если решишься, то при ссорах в вашей школе тоже существуют правила — дуэльные. Оказывается, для этих дел на территории школы есть отдельный полигон.

— И там можно бить друг другу лица? — не поверил я.

— Не все так просто — для начала вас выслушают преподаватель и психолог, попытаются примирить, и уже потом деритесь под присмотром врача.

— А там надо перчатку в лицо кидать, да? — деловито поинтересовался я, представив толстое лицо Яна — точно не промахнусь. — А можно сразу железную и с размаха?

— Для вызова хватит просто слов.

— А если откажется?

— Это дуэль! Никто, уважающий себя, не может от нее отказаться без урона чести! Разумеется, для вызова должна быть причина, понятная окружающим, иначе все вновь обернется истерикой охраны и надуманными обвинениями. Не вынуждай меня снова звонить князю! То есть я хотел сказать... — осекся он и с досадой притих.

— Все так плохо, да?

— Нормально, — чуть раздраженно отмахнулся папа. — Отец этого Павла на особом счету. Почти все речные перевозки под его рукой, одних только кораблей сорок восемь.

— Сорок шесть.

— Ну, может, и сорок шесть, — пожал папа плечами. — Но у него привилегия на беспощинную торговлю во всех княжествах вдоль реки, тем он и ценен. Перед ним, конечно, не лебезят, но то, что ребенок его в нашем городе, налагает на князя определенные обязанности по его защите.

— А тут ему нос разбили, — виновато продолжил я. — Что теперь будет?

— От князя — ничего. Ребенок жив, а на дальнейшее князю плевать, — махнул папа рукой. — Не забивай голову, не станет он суетиться из-за обычного дворянчика. Но вот сам

Пашин отец...

— Смотреть, что происходит за спиной. Желательно подружиться с Пашей, — озвучил я рецепт, за что удостоился удивленного взгляда отца. — Учитель подсказал.

— Умнейший человек, — согласно качнул он головой. — Повезло нам с ним.

— А вот насчет общества, — заерзал я на месте, глядя на пространство блокнота за чертой круга. — Что будет, если рядом со мной и врагами опять не окажется свидетелей?

— Старайся этого не допускать и иди к людям... — протянул он, поймав мой терпеливый ожидающий взгляд, хмыкнул и одним движением широко распахнул верхний ящик стола. — Верно, не от всего можно просто убежать, и далеко не все согласны соблюдать правила.

Он достал несколько предметов из ящика и положил первый из них на стол. На меня глянул блеклый прозрачный камень в навершии небольшого кольца.

— Это поможет тебе убежать. Закроешь глаза, добавишь Силы, будет очень яркая вспышка. Работает один раз, после чего можно выкидывать. — Он перевел взгляд с кольца на меня. — Бери.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я, принимая подарок.

— На палец не надевай, храни в кармане, — проинструктировали меня, одновременно выкладывая в ладонь новое кольцо — простое, серебряное и без камней, хотя и толстое.

— Камни запечатаны в металл, — пояснил папа. — Эта вещь защитит в радиусе метра, но лучше предварительно присядь, а лучше прижми ноги руками и постарайся откатиться в сторону. Действует в зависимости от силы удара, но десяток секунд у тебя будет наверняка. Его носи всегда.

— Здорово!

— Да и сам ты вроде как не промах, — подмигнул он мне, пряча последнюю вещицу в кулаке и намереваясь положить ее на место.

Хм, интересно! Я задумчиво проводил его руку взглядом, пытаюсь найти подходящую причину, чтобы заполучить кольцо.

— А если бежать никак не получится? И враги сильнее?

— Тогда... да. — Он посмотрел на свою руку, хлопнул сжатым кулаком по столу, но все-таки разжал его и дал еще одному колечку украсить собой стол. Необычное, с десятком желтых камней и черным ободом, оно напоминало многоглазого паука, сжавшего лапки. — Тогда используй вот это.

— Оно убьет врагов? — любопытно спросил я, с опаской касаясь обода подушечками пальцев.

— Оно убьет тебя, — устало улыбнулся отец. — Совсем, на один день. А через день ты проснешься здоровым, целым и невредимым. Подгадай к вражеской атаке, используй кольцо с защитой, а потом и это. Будет немного больно, зато кольцо не оставит после себя следов и исчезнет. Не носи напоказ, но всегда держи при себе. В жизни... все бывает. Вот у меня было такое кольцо, у Федора, Тони, Кати, — зажмурил он глаза. — Поэтому мы живы. Извините...

— Папа, мне нужно килограмм сто авиационного алюминия, — деловитой стрелой влетел в комнату Федор, пронесся мимо книжных полок, по пути нагружая себя различными справочниками.

— Тебе зачем? — удивленно спросил отец, наблюдая, как сын складывает поверх солидной стопки свежий каталог по сервомоторам.

— Для Бруно!

— Какого Бруно? — настороженно уточнил он.

— Боевого робота-убийцы номер один.

— Федор, немедленно объясни!

— Да это не для меня, это Максим просил.

— Максим! — рыкнул папа.

— Да я хотел сделать робота, чтобы тот напал на школу.

— Какой хороший у меня сын, вы посмотрите!

— А потом бы мы вместе с Пашей его победили и помирились, — протараторил я, не давая вставить очередное едкое замечание.

— Ну... не лишено смысла, — подавился заготовленной фразой папа. — Хорошая идея.

— Правда?

— Нет!!! Никаких роботов-убийц!

— А если просто робот? — просительно уточнил я.

— Ма-аленький... — тихо пискнул Федор. — Со щеночком.

— Каким еще щеночком?!

— Ну, робота нужен пилот, — важно заметил я.

— Так, стоп! Тишина! Все из-за щенка, да? Хорошо! Будет тебе щенок, но следить будешь сам!

— Ю-ху! — подпрыгнул Федор, тут же ойкнул и завалился по комнате, стараясь не уронить всю стопку с книгами.

— Но никаких роботов-убийц!

— Ладно, — выдохнули мы с братом.

— Удачи! Я в штаб! — протараторил брат, скрывшись с книгами за дверью.

— Максим, — с осуждением, будто мое имя — уже проступок, произнес папа. — Я рад, что ты подогреваешь интерес Федора к технике и нашему ремеслу. Я даже дам материалы для небольшого робота-игрушки... Но пожалуйста...

— Все понял, никаких роботов-убийц, — поднял я руки. — Придумаю что-нибудь еще.

— Мирное! Без жертв!

— Мирное, без больших жертв, — со вздохом согласился, оставив себе небольшую лазейку.

Папа хотел было тут же меня поправить, но в этот миг со двора донесся азартный рык мотора, резкий взвизг шин и глухой удар бампера о дерево.

— Девочки! — изменился папа в лице и мигом вылетел из комнаты.

— Какая разница, что у них нет ключей, если у Федора они есть! — мудро заметил я, глядя из окна на покосившуюся яблоню, подпертую белым внедорожником. А затем вернулся к столу, подхватил черное колечко, поднес к глазам. — Надеюсь, до тебя дело никогда не дойдет. — Положил его в нагрудный карман.

Черное полотно покрывало поверхность залива, грязной кляксой расплываясь вниз по течению. Изредка по нему проходили низкие волны, словно река под нефтяным кляпом пыталась вдохнуть хотя бы немного воздуха, но вновь теряла сознание. И каждая попытка такой борьбы приносила на берег черную взвесь, окрашивая в траурный цвет бетонные сходни и декоративный пляж с некогда белым песком. Над портом не было солнца, оттого каждое черное пятно без единого отблеска казалось вырезанным из цветного мира.

Жуткое зрелище. Но у солидного мужчины, рассматривающего порт с обзорной площадки, было на уме совсем другое прилагательное — дорогое.

Виктор Александрович Зубов, несмотря на типичную внешность борца — толстую шею, узкий лоб и кряжистую невысокую фигуру, уважал финансы гораздо больше единоборств. И состояние скопил не кулаками, а умением подбивать два скучных столбика с доходами и расходами. Внешность — она для деловых партнеров, предпочитающих наличные и ночную загрузку катерами.

Внутри же работал четко выверенный механизм, без труда жонглирующий неповоротливыми цифрами — стоимостью груза и страховых выплат, суммами, нужными на поднятие кораблей из воды и их починку. Издержки, связанные с простым порта, соединялись с выплатами за вред, нанесенный экологии. Высочайшее недовольство местного князя тут же обретало ярлычок ценника на дорогих подарках. Любопытство журналистов утихомирил крупный заказ на рекламу — достаточный, чтобы в новостном выпуске произошедшее описали всего двумя предложениями, показав старое фото порта в солнечную погоду без единого пятнышка на водной глади.

Много расходов, маленьких и крупных, наличными и перечислениями, подарками или обязательствами. Все складывалось в солидную сумму, но вовсе не фатальную — в бюджете имелась отдельная статья, названная «непредвиденные обстоятельства», куда ежегодно отчислялась малая толика прибыли, чтобы однажды быть изъятой для погашения трудностей размером в два потерянных корабля и небольшую экологическую катастрофу. Так что, если бы в трюмах был только официальный груз, все на этом и закончилось бы.

Если бы не шесть тонн груза деловых партнеров в бронированных огневодостойких кейсах, спрятанных под обшивкой баржи, которые смяло ударом танкера, а последующим взрывом разнесло ко всем чертям — для начала по воздуху, а затем смыло водой и основательно перемешало с нефтью.

Виктор Александрович любил точные цифры, но в данном случае мог только догадываться о стоимости груза — ни его характера, ни его предназначения он не знал и никогда им не интересовался. Все-таки он благородных кровей, и лучше не пачкать герб излишне опасной информацией. Почти от любого обвинения можно уйти, прикрывшись титулом и правильно оформленными документами, но со своей совестью приходилось искать общий язык, чтобы не потерять честь, а вместе с ней и солидную толику зависящей от нее Силы. Поэтому все годы взаимовыгодного сотрудничества лучше было ничего не знать.

Единственное, на что имело смысл опереться при расчетах, — так это на заоблачную плату за тайный транзит, аккуратно и без задержки доставляемый в спортивных сумках на один из дальних складов. И если с этими цифрами провести стандартные расчеты, умножить на коэффициент риска, приблизительно представить ожидаемую прибыль... выходило

дорого. Очень дорого — даже для бюджета целого благородного рода.

Разумеется, Зубов не считал потерянный груз своей проблемой. Вопрос в том, считали ли так же его деловые партнеры.

Простолюдины, добиваясь богатства и собирая под свою руку солдат, частенько начинают считать себя равней благородным. Это заблуждение легко проходит в битве, когда Сила, заключенная в древней крови, планомерно отнимает жизни врага огнем или водой, землей или воздухом. Она доводит до суеверного ужаса, до паники и бегства...

Но дело в том, что у простолюдинов, добившихся богатства и собравших под свою руку солдат, очень быстро появляются благородные хозяева. Игнорировать требования такого уровня уже не получается. Отчего-то Виктор не сомневался как в наличии хозяев, так и в том, что претензии обязательно последуют — ни один благородный род не упустит возможности получить положенное с должника.

В таком деликатном деле никто не пойдет в суд, не станет выслушивать историю о коротком замыкании в одном из перекачивающих насосов, опрашивать обескураженных капитанов, технический персонал или читать спасенный корабельный журнал. Экспертные заключения с десятком штампов столичных лабораторий останутся не востребуемыми. Все ограничится личной беседой, роли в которой расписаны, а ответы на любые доводы известны заранее.

У вас короткое замыкание? Вы плохо следили за кораблем, это ваша вина. У вас нештатная ситуация? Вы отвечаете за нанятый персонал. Вы подозреваете диверсию? В ваши обязанности входила защита груза.

В самом деле, зачем ворошить бумаги, если сильный уже знает выгодное ему решение? Слабому же остается выбирать между смирением и безнадежной схваткой.

Какую роль — сильного или слабого — доведется ему примерить?

Впервые Зубов пожалел, что его род так и не вошел ни в один клан, выбрав вместо стабильности и защиты независимость и возможность вести дела с кем угодно. Метаться в поисках господина поздно — никто не любит, когда на его порог приходят с проблемами. Его, разумеется, возьмут, но заберут в клановую казну едва ли не больше того, что могут потребовать хозяева груза.

Как бы пригодился сейчас живой виновник, способный говорить и каяться! Чтобы не глупая техногенная катастрофа была всему виной, а человек! И очень хорошо бы — из числа старых врагов его деловых партнеров, чтобы вместе с его головой отсечь все претензии в его, Зубова, адрес! А может, все-таки найдется?

— Сережа, данные с камер достали?

Референт звучно откашлялся и пошелестел страницами блокнота.

— Виктор Александрович, записи со всех камер близлежащих зданий собирают представители княжеской охраны. Они обещают поделиться.

— Когда? — встрепенулся тот.

— После того как порт будет очищен от нефти и наших кораблей, — с капелькой вины в голосе доложили ему.

— А на наших кораблях не было камер? — раздраженно гаркнул Зубов.

— Были, Виктор Александрович.

— И где они?

— Так это... Половина утонула, половина сторела, — растерянно сглотнув, вымолвил референт.

— Возьми наличные и обойди все магазинчики, все банки, все заведения в этом районе, где есть камеры, — прикрыв глаза, распорядился босс. — Затем с помощниками выстроишь картину всех перемещений каждого человека в часовом интервале от момента происшествия. Бегом!

Почему им надо рассказывать, как делать их работу?! Или он слишком нервничает? Зубов оправил рукой белоснежную рубашку в районе сердца и на минуту оставил там ладонь, высчитывая пульс. Стандартные семьдесят ударов, тело не боится.

— Виктор Александрович, к вам приехал сын, — тактично подождав, когда господин тряхнет руками после долгой неподвижности, сообщил подошедший слуга, поворачивая голову в сторону двух черных седанов возле ограждения, час назад выставленного у въезда в порт.

Зубов невольно улыбнулся, но тут же собрался и зорко осмотрел пространство вокруг. Порт окружали три круга людей, и если первый — из числа его слуг и работников, выгребавших черную муть с берега — его устраивал полностью, а третий был достаточно далеко, чтобы его разглядеть, то второй круг с портовыми рабочими, временно оставшимися без дела, не совсем соответствовал тому, что можно показывать восьмикласснику.

— Разогнать зевак, подмести асфальт. Затем веди, — повернулся он обратно к воде.

Зубов не был тут хозяином, но и тех, кто мог ему об этом напомнить, тут тоже не было.

Позади раздавались окрики разозленной охраны, сгонявшей недовольных и резких характером мужиков к ограждению. Зашуршали несколько метел, сметая в сторону пластик бутылок и окурки.

Грязь этого мира, видимая и скрытая — не для его сына. С возрастом ему придется столкнуться с разными сторонами жизни, не все открытия будут добрыми. Тем ценнее детство, беззаботное и счастливое, организовать которое вполне под силу его отцу. Втайне даже от себя Зубов-старший искренне надеялся, что жизнь его первенца пройдет в офисе, а не в забегах по всей стране, что налаженное дело освободит от необходимости влезать в темные дела. Хватит, отец всю жизнь карабкался вверх, пытаясь обеспечить себе герб и замшелые бумаги с привилегиями, на которые все плевали, капиталами и боевой силой — достаточной, чтобы его вновь начали звать на рауты как равного, а дарованное прадедам право беспошлинной торговли было узаконено. Пусть сын просто живет, без потрясений и войн, без голода и крови, преумножая величие рода из кресла своего кабинета. Но для этого предстояло еще немало потрудиться.

— Привет, — буркнул сын, скрывая за угрюмостью волнение.

Виктор Александрович улыбнулся, рассматривая свою будущую копию — такого же основательного на вид и непростого характером парня. Правда, еще умеющего смущаться и испытывать чувство вины — за полоску пластыря на носу, к которой невольно потянулся, за проигранную драку, после которой эта полоска появилась.

— Подрали тебя сегодня, а? — подмигнул он сыну и получил несмелую улыбку в ответ. — Голова не болит? Не кружится?

— Нормально, — дернул тот плечом. — Адам Георгиевич смотрел.

— За что воевал? — любопытствовал отец, с удовольствием взъерошив сыну волосы.

— Да там, — отклонился в сторону Пашка, освобождая голову из-под отцовской руки и неохотно отвечая куда-то в сторону. — Погорячился.

— Павел Викторович! — построжел Зубов-старший.

— Новенький у нас в класс пришел. Ходит, смотрит на всех свысока, — забубнил под

ноги сын. — Как будто мы ему слуги, а он император.

— А имя у твоего новенького есть?

— Максим, — скривился Пашка. — Самойлов Максим.

— Из семьи Самойловых, — продолжая благостно улыбаться, кивнул Зубов. — Что мы знаем про эту семью?

— Н-но... — поднял вверх удивленные глаза парень. — Но у них же Федор!

— А теперь еще и Максим, — одарив отпрыска легким подзатыльником для улучшения памяти, уточнил отец. — Приемный сын, о чем было написано в новостном циркуляре месяц назад.

Павел замер и, вместо того чтобы погладить место удара, задумчиво почесал голову.

— Циркуляры пишутся, чтобы их вдумчиво и очень внимательно читали, — наставительно добавил Зубов-старший. — А не использовали вместо подставки под кружку.

— Все равно бездарь, — тихо буркнул сын, но был услышан и награжден еще одним подзатыльником. — А что он!!! — искренне возмутился Пашка.

— Не он, а ты, — вздохнув, положил старший руку отпрыску на плечо. — Надо быть умнее, сын. Какая разница, есть ли у него дар? Я тебе больше скажу: у его семьи его тоже толком нет.

— Нет? — Паша недоверчиво вздернул голову, чтобы посмотреть отцу в глаза.

— Их Сила в вещах, которые они делают, — поведал он первенцу. — И нам с тобой важно, чтобы эти предметы... ну, продолжишь?

— Они не использовали против нас? — предположил сын.

— Не продали нашим врагам с хорошей скидкой, — качнул старший головой. — А то и подарили бесплатно... Не надо с ними ссориться, сын.

— Я с ним дружить не буду! — упрямо насупился Пашка, коснувшись пластыря.

— Ты опять меня не слушаешь, — недовольно поджал губы Зубов-старший. — Не хочешь — не дружи.

— А как тогда? — растерялся тот.

— Достаточно уважения с его стороны, опаски или небольшой толики страха. Пусть сам держит дистанцию.

— Этот вообще бояться не умеет, — буркнул Пашка.

— Он просто еще не видел, чего должен бояться, — подмигнул отец. — Вот представь, был бы ты ростом как дядя Борис из охраны и с такими же мышцами — стал бы он с тобой драться?

— Нет, наверное.

— А почему?

— Ну, дядя Боря сильный. Он его одним ударом в землю вобьет!

— Он увидел бы мышцы, увидел бы силу и ощутил страх, — одними губами улыбнулся Зубов. — Даже связываться не стал бы, верно?

— Но я ведь не дядя Боря...

— Ты сильнее, — потрепал он сына по волосам. — У тебя есть дар. Только этот парень не знает. Он видит обычного мальчишку без горы мышц, поэтому не боится.

— Но дар нельзя применять в обычной драке! — возмутился Паша, вспомнив крепко-накрепко, в том числе ремнем, вбитые уроки.

— Тебе не нужно его применять, — терпеливо пояснил отец. — Когда человек видит такого, как дядя Боря, его воображение мигом рисует, как такая махина сносит его с ног.

Заметь — он даже не знает, умеет ли противник драться! Так и тебе не нужно его калечить. Просто зажги огонь в руке, и разум твоего соперника уже будет чувствовать боль от ожогов.

— И он станет бояться! — расцвел сын.

— Уважать, — поправил старший. — Так маскируют страх сильные люди. Этого достаточно, больше он к тебе не сунется. Может, сам начнет набиваться в друзья.

— Вот еще!

Виктор Александрович тяжело вздохнул, но упрашивать сына не стал. А ведь было бы неплохо иметь таких союзников.

— Весь мир держится на страхе и уважении, — продолжил он урок, выпрямляясь и закладывая руки за спину. — Наша задача поддерживать их. Во-первых, не лезть в те драки, где мы можем проиграть. Понял, о чем я говорю?

— Не драться на кулаках, — чуть поникнув, кивнул Паша.

— Вот именно. Иногда достаточно слов, чтобы противник проиграл в глазах окружающих. Не матерных, — тут же уточнил отец. — Не надо опускаться до уровня простолюдинов, пусть они сами покажут свою культуру окружающим и заработают их презрение.

— Я понял.

— Хотелось бы надеяться... Во-вторых, надо постоянно напоминать о своей Силе! Для начала — однокласснику, потом этому городу, а потом и всему миру! Чтобы все знали, что с Зубовыми лучше не связываться!

С куражом, рожденным восхищенным взглядом сына, Виктор выплеснул в сторону воды дикую смесь из воли и Силы. Это не его работа, есть люди, которые выполняют ее быстрее и качественнее, но урок должен быть подкреплён ярким впечатлением — достаточным, чтобы запомниться на всю жизнь.

Черная поверхность залива пошла ощутимыми волнами, закручиваясь против часовой стрелки — первые минуты медленно, но с каждой секундой все быстрее... она будто бы поднималась в самом центре над водой!

Рядом восхищенно раскрыл рот сын, вцепившись в перила обзорной площадки. Зубов отметил это довольной улыбкой — как и то, что вокруг не оказалось ни одного равнодушного к происходящему. Только охрана дисциплинированно отвернулась от взбесившейся воды, бдительно наблюдая за публикой, — будет им премия.

В небо над портом вытягивалось монструозное черное веретено, сотканное из нефти, собранной волей одного человека с десятка тысяч квадратных метров. Шипела падающая вода, гудел воздух под напором чужой воли, радостно вопил сын, не слыша себя за всеобщим грохотом.

— Подожди его! — наклонившись к уху сына, прокричал Зубов.

— А? — не сразу понял Пашка.

— Поднеси огонь!

— Далеко! — кивнул было сын, но потом мотнул головой, оценив свои силы.

— Я верю в тебя! — хлопнул его по плечу отец, на пределе воли продолжая удерживать заклинание.

— Хорошо, — не подкачал наследник и, упрямо закусив нижнюю губу, зажег над ладонью крохотный огнешар.

«Нормально, — с отцовской гордостью отметил Зубов. — Понимает, что хватит и искры, а так меньше Силы и лучше контроль».

Огненная точка стремительно унеслась к стонущему в небесах веретену, почти сразу же исчезнув из вида — и только по сосредоточенному лицу Пашки было понятно, что огонек еще жив и продолжает движение к цели по прямой.

Момент завершения пути крохотного огонька увидели все в городе — как полыхнул самый край, как огонь узкой лентой достиг вершины, скользнул кольцом вниз и будто бы взорвал огромный факел целиком.

Виктор до крови прикусил щеку, пытаясь помочь огню сына, нагнетая волну за волной воздух, стараясь удержать всю конструкцию целиком. Свои силы он изрядно переоценил, но какой позор для чести, если все рухнет сейчас в воду! Ради славы рода, ради сына, ради чести тянул он из себя Силу волна за волной, одержимый желанием удержать волшебство в узде, и это ему пока удавалось. А через минуту, когда огонь основательно подъял часть массы, растворив ее чадным дымом по небу, пришло приятное осознание, что все у него получилось. За следующие десять минут нефть вместе с тем самым неудобным грузом обратилась облаком пепла и жирной пленкой, осевшей на воде и берегу. Мелочи, слуги подчистят.

— Вот так вот, сын, — ответил он улыбкой на взгляд, полный обожания. — Пусть город помнит, что такое «стихийный мастер».

— И боится! — с восторгом подхватил Пашка.

— Господин, — объявился откуда-то референт, пришибленно глянул на босса и протянул ему белоснежный конверт с золотым вензелем. — Секретариат князя.

Настроение ухудшилось, Зубов разорвал печать и, скривившись, вчитался в цифры очередного штрафа за ущерб, нанесенный экологии.

— Но бояться не все, — вздохнул он, комкая бумагу в руке.

— А кто не боится? — любопытствовал сын.

— Те, кого надо бы бояться нам. Но мы не будем, верно?

— Да!

— Мы будем их уважать и стараться держаться подальше...

Отец и сын медленно побрели в сторону стоянки. Большая, как у медведя, рука придерживала Пашку за плечи, чем тот с удовольствием пользовался, позволяя себя вести и прикрыв глаза так, что видел только узкую полосу асфальта под ногами. В голове царилло ощущение приятной пустоты, сменившей яркие эмоции восторга и гордости.

Тем неожиданней оказался резкий крик и сильный толчок в спину, буквально швырнувший наследника на асфальт. Тренированное тело привычно погасило удар приближающейся земли, разум откинул боль в ладонях как досадную помеху и с кристальной четкостью начал вбирать в себя картины окружающего мира, доступные с невеликой высоты. Мир в пяти метрах вокруг искажала тонкая пленка сотворенной защиты, образуя купол с вершиной в метре над головой отца. А за щитом, вроде как ничего не изменилось — не ревело рукотворное пламя, не гремели выстрелы, только сине-фиолетовые круги, плывшие по охранному барьеру, придавали порту тревожный вид — все-таки высший цвет энергонасыщения...

Пашка решил было прижаться к асфальту ухом, чтобы лучше прислушаться, но тут же охнул от резкого головокружения и соленого привкуса во рту. Ударило в грудь и больно обожгло прямо напротив нагрудного кармана. Перекатившись на спину, он резким движением отшвырнул раскаленный предмет, выдернув его из рубашки вместе с карманом. И с удивлением опознал в дымящем золотистом пластике сотовый телефон — весь вздутый, с

полураскрытой крышкой, отчаянно чадящий неприятным запахом пластмассы. Откатившись в сторону и охнув от очередного приступа головокружения, парень остановился у самой пленки барьера, тяжело дыша и с испугом переводя взгляд от сгоревшего телефона к линии складских зданий и обратно. И только через постыдные десять секунд догадался поставить собственный защитный барьер вокруг тела, виновато глянув в спину отца — глупо думать, что он этого не заметит.

Странное противостояние длилось не больше пяти минут — да и боролся ли кто-то с той стороны? Завершилось все тем, что Пашкин отец одним движением развеял щит, довольно потянулся на месте и обернулся к сыну, сияя улыбкой.

— А у меня телефон сожгло, — невпопад буркнул Пашка.

— Все сожгло, — удовлетворенно добавил отец. — Все телефоны, камеры, регистраторы. Всю технику в округе. И это очень, очень хорошо! — с воодушевлением завершил он.

— Почему? — искренне удивился сын.

— Потому что это значит, что виновник наших бед есть. — Наставительно произнес Зубов-старший. — Осталось его только найти.

Неслышно повернулся ствол, высвобождая последний виток резьбы. Оружие аккуратно, без единого звука, легло на стол, коснувшись полированной гранью мягкой поверхности расстеленной бумаги, освободило пальцы для внимательного и вдумчивого выбора патрона. Идентичные на вид, из одной партии и одного материала, они были совершенно разными по ощущениям — только один из пяти показался достойным выстрела. Остальные аккуратно сложил обратно — найдут себе цель попроще. Сегодня нет права на промах, ведь не будет шанса сделать вторую попытку.

Патрон занял надлежащее ему положение. Чуть прищуренный взгляд легко отыскал затылок цели. Совместить линию прицеливания. Глубокий вздох, тело расслабленно. Выдох. Резкий крик.

— Ай!

— Ян, последнее предупреждение!

— Марья Степановна, это не я! — полный негодования голос плеснул по классу.

— Еще раз повернешься — два за экзамен.

— Это Максим плюется бумажными шариками!

— Что-о? — возмущенно оскорбился я, одновременно воссоединяя ствол шариковой ручки с колпачком.

— Это ты сделал! — взбеленился Ян, доставая из пышной гривы волос скомканный в плотный комок патрон из листка бумаги и демонстрируя его классу.

— Я писал изложение по жизни и творчеству Антона Павловича Чехова! — дрожащим от негодования голосом поведал классу и экспрессивно махнул рукой.

— А это тогда что такое?!

— Тебе виднее, это твои волосы.

— Да ты-ы... Да я тебя-я! — зарычал Ян, дернулся ко мне и неловко зацепил соседку локтем.

— Дуэль?

— Д-да!!! — поднявшись из-за парты, выплюнул он.

— Ну и отлично, — улыбнулся я ему и виновато поклонился его очаровательной соседке по парте. Та смущенно фыркнула и отвернулась.

А мне соседки не досталось, увы. Да и парта — последняя, хоть центральный ряд. Зато все затылки недоброжелателей как на ладони.

— Ян, выйди из класса! — Холод учительского голоса моментально сковал эмоции ученика до арктической безнадежности и тоски. Даже меня легонько зацепило.

— Ну Ма-арь Степа-ановна-а...

— Тетрадь оставь, сколько успел, столько и оценю.

За поверженным противником тоскливо скрипнула дверь. Улыбка сама выползла на лицо, но я вовремя прикрыл ее рукой, изобразив глубокую задумчивость и заинтересованность судьбой писателя.

— Максим, тетрадь на проверку.

— Да, Марья Степановна, — подхватив тетрадь, через мгновение бережно положил ее перед глазами преподавателя.

— Хм, — через массивную оправу на меня глянули умные карие глаза. — Один в один с

учебником?

— Хорошая память, — чуть виновато развел я руками.

— А знаки препинания где потерял? — улыбнулась ледяная леди уголками губ.

— Я предпочитаю ставить их в самом конце, — доверительно поделился с учительницей. — Для интриги.

— Какой еще интриги?

— Всегда есть шанс, что я поставлю их правильно, — вздохнул и отвел взгляд.

— Иди, ставь, — протянула она мне рабочую тетрадь. — Интриган.

Вот только последнее слово было сказано совсем с другим смыслом. Но вроде обошлось.

Сел на свое место и привычно оглядел класс, тут же наткнулся на внимательный взгляд Пашки Зубова. Что-то он целый день на меня сегодня смотрит, но сам не подходит. А когда я решил подойти замириться — угрем выскользнул в коридор, да так ловко, что не догнать. Явно задумал недоброе.

Хрипло запели динамики в коридоре, объявляя перемену. Странная тут школа — вместо резкого звонка целая песня, да еще перед каждым уроком разная. Зато не перепутать, какой по счету. Вот и сейчас вполне понятно — пятый и вроде как последний на сегодня завершен.

— Тетради на угол стола!

Последний раз с тоской взглянул на расставленные запятые, отложил свой труд в сторонку. Надеюсь, мне повезет сегодня... Если не с изложением, так хотя бы удастся поймать Пашку и поговорить. Вот он, кстати, пытается успеть записать какую-то мысль, пока учительница медленно вытягивает тетрадь из-под его ручки. Сложив все вещи в кейс (а у меня есть кейс!), приготовился к захвату будущего друга.

— Можете идти. Максим, задержись.

Все поникло внутри, когда увидел, как Пашка быстро сложил свои вещи в портфель (пф!) и вылетел из класса, напоследок глянув в мою сторону. Но ничего, от моей дружбы еще никто не уходил.

— Да, Марья Степановна? — убрав хищный оскал с лица, мило улыбнулся преподавателю.

— Камеры, — изящный палец с острым ноготком указал на завитушки в гардинах и портреты научных деятелей, развешенные по стенам. — Монитор, — пальчик указал на плоскость стола.

— Здорово, — согласился, потыкав пальцем в иконки экрана. — А вам тут, кстати, сообщение от Котика.

— Руки! Так вот, Максим, я прекрасно видела, что ты делал на последней парте. Эта запись также есть в архиве школы. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Можно получить копию? — Мои глаза загорелись.

Все-таки навесом стрелял, через две головы и целый ряд! Федор точно оценит.

— Чтобы такого на моих уроках больше не было, — прикрыв глаза, вздохнула учительница.

— Хорошо, — покаянно качнув головой, я отвел взгляд.

Быстрее бы разговор закончился, пока шансы догнать Пашку совсем не исчезли. Проще соглашаться.

— И перед Яном извинись. Никаких драк!

— Давайте вы мне просто двойку поставите? Можно две, — поскучевшим голосом

произнес я и отвернулся к окну.

Темные тучи, лениво собиравшиеся с самого утра, разразились-таки ливнем, размывавшим вид из окна потоками воды. Вот только Пашку это не задержит — его встречают на машине. Так что я снова опоздал с разговором. Может, обойтись без него? А есть ли шанс подружиться без участия второго человека? Хм...

— Максим, ты меня слушаешь? Ты ведь намеренно его спровоцировал.

— Ставьте три двойки, — пожал я плечами.

— Ладно, пусть родители с тобой разбираются, — обреченно вздохнула Марья Степановна, прервав затянувшуюся паузу. — Давай дневник. — Рука требовательно потянулась в мою сторону.

— Вот, — положил я на стол одну из двух имеющихся у меня в кейсе абсолютно одинаковых книжечек с императорской короной на обложке.

Опыт небольшого бизнеса научил, что лучше иметь несколько отчетных документов, чтобы не портить настроение проверяющим.

— Пусть твой папа напишет мне ответ на этой же странице, — произнесла Марья Степановна, продолжая украшать красивым почерком разлинованный лист.

Провал. Хотя в поле для оценок не отыскалось ни одной двойки.

— Оценки за поведение ставить нельзя, — прокомментировала она мой удивленный и благодарный взгляд. — Но мое мнение о тебе изменится в лучшую сторону, если драки не состоится.

Серьезный аргумент. Тем более что Ян и без того достаточно напуган, так как знает, за что его будут бить. Да и отцу мало радости, если его снова вызовут в школу.

— Я подумаю над этим, — со всей ответственностью уверил ее, забирая дневник.

Вредно менять свое мнение на ходу, без серьезного и вдумчивого торга. Иначе ценить его совсем перестанут.

— Хотелось бы верить, — задумчиво произнесла мне в спину учительница, когда я медленно и солидно удалялся из класса.

Впрочем, солидности той хватило ровно до закрытия двери, после чего последовал стремительный рывок на первый этаж, к парадному входу. Я все еще мог успеть за Пашкой!

Только и возле входа его тоже не оказалось — ни возле самой двери, ни около расписания, и даже в раздевалке не висела знакомая черная куртка.

— О, Максим, — окликнули меня с правой стороны обширного холла.

Рядом с массивными шкапами, за толстыми стеклами которых томились узниками шоколадные батончики и чипсы (когда-нибудь я освобожу их всех!), деловито управлялся с кофейным аппаратом Руслан Артемьевич — тот самый, с помощью которого нам удалось устроиться в эту школу. Хотя, как называется его должность, я так и не узнал — в расписании фамилии не было, а те учителя, которых я спрашивал, отчего-то добавляли перед его именем слово «господин» и кратко обозначали его положение: «В руководстве».

— А я тебя как раз жду, — протянул он мне пластиковый стаканчик, наполненный чем-то горячим и волнующе шоколадным. — Угощайся.

— Спасибо, — с благодарностью отозвался я, прислушиваясь к горячей волне блаженства, устремившейся к желудку.

— Найдется пять минут на беседу?

— Да, — кивнул я. В самом деле, теперь спешить особо некуда.

— Тогда пойдем ко мне в кабинет, — улыбнулся Руслан и шагнул к лестнице.

Обернувшись напоследок, так и замер, глядя в открытую кем-то входную дверь. Там, во дворе, глядя в мою сторону, стоял Пашка, укрытый от дождя черным зонтом, удерживаемым в руке охранника.

— Максим? — поторопили меня.

— Эх. — Я с тоской глянул на дверь, затем на горячее лакомство в своих руках и все таки зашагал вверх — иначе неудобно как-то. Ладно, завтра поговорим.

— Присаживайся, — гостеприимно махнул Руслан Артемьевич рукой на кресло напротив небольшого стола в крошечном кабинете на самом последнем этаже здания. Кроме стола, двух кресел и стальных жалюзи, окрашенных в белый цвет, в комнате ничего не было — ни шкафа с бумагами, ни компьютера, ни других признаков того, что тут кто-то работает. Разве что отсутствие пыли подсказывало, что этим местом пользуются. — Как тебе в школе?

— Брату и сестрам нравится, — уклончиво сообщил я.

— Отлично, — воодушевленно улыбнулся Руслан. — Ведь главное семья, верно? Ради нее можно потерпеть мелкие неудобства.

— Да, — с настороженностью подтвердил я, одновременно обдумывая, в какую сторону пойдет разговор.

Руслан Артемьевич не был плохим человеком, хоть поначалу, два месяца назад, отказал нам, не пустив за ограду. Не стал он хорошим после того, как заинтересовался моим даром и распахнул двери школы для меня и брата с сестрами. Обычный человек с собственными интересами, ради которых готов улыбаться и поить шоколадом. А я достаточно вежлив, чтобы улыбаться в ответ. Но интересы у меня — свои, и они подороже горячего лакомства.

— Для нас вот тоже самое главное — семья, — сменив открытую улыбку на чуть грустную, произнес он. — Большая, огромная семья размером в целое княжество.

— Разве бывают такие? — усомнился я в ответ.

— Сам посмотри, — тронул он жалюзи, указывая на город.

— Но там живут совсем разные люди.

— Семья — это забота, защита, взаимопомощь, любовь и память о предках, — наставительно качнул Руслан Артемьевич пальцем. — Даже если люди не знакомы друг с другом, это не делает их чужими. Разные фамилии, цвет кожи, внешность — это все пустяк, если внутри человека есть понимание слова «родина».

— Но там, за окном, много плохих людей...

— Это гости, — прикрыл мужчина глаза и качнул головой, словно соглашаясь. — Плохие или хорошие — пока они соблюдают правила, им даровано наше гостеприимство. Мы не очень им рады, но пускаем в наши города, позволяем жить и работать. Придет горе, гости соберут вещи и уедут, а семья останется защищать свой дом. В этом отличие.

— Мы будем хорошими гостями, — вежливо улыбнулся я.

— А я думаю, что вы уже в семье, — поделился своим мнением Руслан и тут же выставил ладони вперед. — Это ни к чему вас не обязывает. У нас есть кому защитить слабых и позаботиться о лечении больных. Город полон памятников и не даст забыть о славном прошлом. Но, по моему мнению, если на школу нападут, ты станешь на ее защиту, — подмигнув, добавил он.

— Есть такой план, — подтвердил я его мысли. — Увидите хищного робота-убийцу — сразу вызывайте.

— Договорились, — хохотнул мужчина и тут же добавил без единой эмоции: — Только вот что делать, если вместо робота грянет ракетный залп?

— А тут все застраховано?

— Разумеется, — подтвердил Руслан. — Кроме жизни учеников жизни Федора и твоих сестер.

— Но ведь этого не случится? — сжав пальцами край стола, тихо уточнил я.

— Мы постараемся, — со всей серьезностью пообещал он. — Приложим все силы, как делаем это всю свою жизнь. Но вдруг мы ошибемся? Вдруг между школой, Федором и ракетами останешься только ты?

— Это будет любопытно, — сухо ответил, зажигая в ладони искру собственной Силы.

Я умел защитить себя, умел защитить пространство рядом с собой, но будет ли этого опыта достаточно, чтобы закрыть целый корпус? Отчего-то угроза Руслана совсем не казалась страшилкой или выдумкой. Он говорил о возможной беде так, как рассуждают о буйном соседе, уже не единожды пробовавшем входную дверь на прочность.

— Если бы ты умел пользоваться своей Силой в полной мере, — кивнул он на мою руку, — смог бы защитить всех. А то и направить ракету туда, откуда она поднялась.

Наверное, я должен был сейчас зажечься и, соглашаясь на все условия, попросить научить меня.

— Было бы здорово, — спокойно подтвердил я, ожидая продолжения и приготовившись торговаться. Потому что если вам что-то предлагают задаром, обычно это очень дорого обходится. А принимать предложение все равно придется. Потому что любопытно.

Руслан чуть улыбнулся и наклонил голову, с интересом меня разглядывая.

— Но если бы мы знали об атаке заранее, ни одна ракета не поднялась бы в воздух, — с куда большим интересом продолжил он после минуты гляделок. — Мы можем научить и тому, и другому. Мы — не только школа, мы — род и клан Шуйских, — с мрачной торжественностью завершил Руслан.

— Не бесплатно.

— Что ты, денег абсолютно не нужно!

— А вот мне — оченьгодились бы. — Я по-доброму улыбнулся и выставил вперед сцепленные в замок руки. — Учеба потребует от меня времени и усилий, верно?

— Да, — недоуменно поднял он бровь.

— Мое время очень дорого, — с обеспокоенностью добавил, чуть наклонившись вперед. — Я мог бы потратить его на бизнес.

— Да какой там бизнес, — с легким раздражением махнул он в ответ рукой. — Газетки раздавать?

— Давайте сойдемся на том, что потраченное мною время будет стоить столько же, сколько я зарабатывал раньше?

— Стипендию хочешь? — прищурился он. — Хм, на мороженое...

— Именно на него, — поддакнул я.

— Предложение принимается.

Мха-ха, мха-ха-а! МХАХАХА!

— Максим? — с легким недоумением окликнул меня Руслан.

— Ладони разогревал, — перестал я потирать руки и звучно откашлялся. — К тому же все это нанесет вред моей основной учебе. Я не хочу быть двоечником!

— С этим решим, — отмахнулся собеседник. — Школа полностью под нашей рукой.

Уф, прямо от сердца отлегло.

— Но не вздумай специально игнорировать учебу! — строгим голосом отреагировал он

на мою довольную улыбку. — Лично буду контролировать.

Предложение о полной отмене посещения уроков так и замерло на губах, оставшись невысказанным. Эх.

— Тогда девочку, — решительно высказал я свое последнее условие.

— Девочку? — нахмутив брови, уточнил Руслан Артемьевич.

— Симпатичную и умную, — поспешил уточнить я. — А то мне не выдали.

— Где не выдали? — Он недоуменно поднял брови.

— Так в классе, — терпеливо пояснил я. — У всех есть, у меня нет. Несправедливо!

— А, соседку по парте, — ощутило расслабившись, выдохнул Руслан. — Так, значит, больше девочек нет, — пожал он плечами.

— Это не решение! — Я категорически хлопнул ладонью по столу.

— Соседок не выдают, — улыбнулся собеседник. — Они — такие же ученики, как и все. Если кто-то захочет подсесть к тебе самостоятельно, тогда пожалуйста. Но силой этот вопрос не решить.

— Хм, — задумался я на мгновение. — Ладно, сам найду.

— Девочка должна быть из твоего класса! — отчего-то запаниковал Руслан. — И сидеть с тобой должна добровольно!

— Хорошо, — покладисто заверил его.

Тем более что уже знал, у кого ее можно забрать. Интересно, как у нее с запятыми?

— Тогда взамен прошу простить мне то, что я сделал, но о чем вы еще не знаете. — Смутившись, я отвернулся к окну.

— О как, интересная просьба, — с любопытством почесал он подбородок. — Мы где-то опять не досчитаемся двери?

— Нет.

— Так-так. — Руслан оглядел меня с улыбкой. — Что-то разбил, признавайся?

— Мм, нет.

— Испортил?

— Можно и так сказать, — протянул с неохотой.

— Ладно, давай начинать сотрудничество с чистого листа. — Руслан Артемьевич протянул мне ладонь для рукопожатия. — Договор?

— Договор.

Уф, а наставник волновался! Все будет хорошо с этими кораблями.

— Начинаем занятия с завтрашнего дня, предупреди домашних.

Вниз я спускался в приподнятом настроении, даже напевал что-то под нос, пока одевался в легкую куртку. Глянул ради интереса в окно, чтобы оценить силу дождя, и ощутил, как волна удовлетворенности сегодняшним днем захлестывает выше головы. Потому что на лавочке в школьном дворе, под широким зонтом над самой головой, продолжал чего-то терпеливо дожидаться Пашка. Рядом переминались два охранника, один из которых держал зонт над подопечным, а второй раскрыл абсолютно такой же над собой и коллегой, но даже несмотря на это все основательно промокли, так как струи то и дело залетали под зонт из-за порывов ветра.

«Замерз, наверное, — пожалел я Пашку и тут же посмотрел в сторону кофейного автомата. — А вот и возможность помириться!»

Именно с такими мыслями я оплатил самую большую кружку горячего кофе, прикрыл голову и стакан кейсом и с улыбкой шагнул во двор.

— Привет! — дружелюбно поздоровался я, приближаясь к однокласснику.

Только тот смотрел совсем недобро и даже поджал губы, когда между нами осталась всего пара шагов.

— Смотри сюда! — грозно крикнул Пашка, поднимая руку ладонью вверх и зажигая над ней ярко-алый шар огня.

Я не успел восхититься, потому что коварный огонь мигом поджег поверхность зонтика. Натянутая ткань тут же вспыхнула, в секунду разлетевшись на огненные лоскуты, один из которых упал прямо на волосы Пашке.

— Ох! — испугался я за него и перевернул стакан жидкости прямо на очаг возгорания.

На меня смотрели два крайне ошеломленных, испуганных, наполненных недоумением и болью глаза. Крик пришел двумя секундами позже.

— А-а-а! — летело над двором от бегущего к калитке парня.

— Паша, давай дружить, — робко вторил ему я.

— Н-не подходи! — донеслось из-за забора.

— Молодой человек, мы не оставим это просто так, — пригрозил мне охранник и поспешил за подопечным.

— Да я помочь хотел, — пожал плечами, глядя на второго, более спокойного охранника.

— Я видел, — тяжело вздохнул он, стряхивая пламя с остатков зонта. — Только господин все равно будет в ярости.

И тихонько побрел к нетерпеливо бибикнувшей машине.

Не, так дело не пойдет, — решил я. В присутствии Пашки подружиться с ним точно не получится. Значит, обойдемся в этом деле без него. Я решительно повернул обратно к школе.

План, витавший на самой границе сознания, с каждым шагом обретал цвет и глубину.

Две сотни килограмм веса поднимались над грудью, замирали под внимательным приглядом двух дюжих подстраховщиков и вновь опускались вниз, повторяя цикл раз за разом без рывков и дрожи в руках. Казалось, что человек вовсе не чувствует чудовищного груза, с равнодушием каменного голема исполняя подход за неполную минуту.

Олег Степанович Кочетов выглядел для подобного сравнения весьма подходяще — массивный, в плечах полтора метра, рост — полноценных два, с рельефными мышцами, будто высеченными из камня, он казался античной скульптурой... А возможно, и был ею — украденной с постамента вандалами, разрисованной черно-синими чернилами татуировок и забытой на самом дне этого мира. Возможно, разгневанный монумент ожил и, идя через кровь и смерть, начал обратный путь на постамент величия. Быть может, за десятилетия тяжелого труда Кочетову удалось приблизиться к заветной цели вплотную... Но краски татуировок уже слишком сильно впитались в судьбу — такое не стереть, не вернуть душе былую чистоту, достойную созерцания миллионов. Единственное, на что он мог рассчитывать, вернувшись туда, откуда его похитили, — оказаться в запасниках, в плотном полотне, укрывающем от чужого взгляда, да еще на сожаление зрителей о потере отличного экспоната — легкое, без сильных эмоций, с привкусом досады, но не более. Потому что его постамент уже занял другой.

Сам Олег Степанович о своем прошлом не вспоминал. Если бы камень мог думать, он мог бы взять фамилию Кочетов и считаться родственником — уровень переживаний, сомнений и уверенности у них соответствовал бы, как у братьев-близнецов. Из человеческого в Олеге остались острый ум и чувство прекрасного. Собственно, ради второго он и

использовал ум, окружая себя шедеврами природы, техники и живописи, зачастую игнорируя ценники, прежних хозяев и закон. Отсутствие других присущих человеку эмоций вроде страха и жалости позволяло расширять коллекцию с завидной регулярностью. Впрочем, деньги оставались самым главным инструментом — простым, эффективным, а в последние годы и весьма доступным. Дела у него шли очень хорошо. До сегодняшнего дня.

Кочетов поставил штангу на опору стойки, без особой спешки поднялся и прошагал через общий зал комплекса к душевым, игнорируя восхищенные взгляды посетителей-новичков, пришедших сюда за такими же мускулами. Большинство из них через пару месяцев достигнет генетического потолка и начнет хитрить, закидываясь химией в виде таблеток. Те, кого не устроит и этот результат, перейдут на инъекции — дорогостоящие, вредные, требующие постоянного повторения и очень эффективные. В итоге кто-то получит тело с рельефными мышцами и силу, красивое отражение в зеркале и свою порцию обожания в глазах новичков. Ну а Кочетов получит их деньги — поскольку препараты продаст его клуб, под улыбку и настоятельные рекомендации тренера.

Только это так — мелочь, легальное прикрытие совсем другой химии. Есть вещи гораздо более желанные, чем физическая сила, — Сила магическая, недоступная большинству по такому несправедливому и бесчестному праву рождения. Однако всего одна таблетка, и потусторонняя мощь разливается по телу, даруя чувство неуязвимости, избранности, причастности к узкому кругу одаренных. Впрочем, химия не дает мастерства и знаний, так что ничего, кроме очень живучего мяса, из неодаренного не выйдет. Вот если дозу примет тот, кто родился с искоркой дара... Как минимум рост на один ранг гарантирован, а при постоянном применении — даже на два ранга, вплоть до заоблачного титула «мастер» со всей его чудовищной Силой. А Сила в нашем мире легко конвертируется в деньги — за сильным и свободным одаренным моментально выстроится очередь из нанимателей, жадных до статуса телохранителя или желающих приобрести пугало для врагов.

Единственная беда — о потомстве можно забыть, но тех, кто уже настроился жить в роскоши, это мало волнует. Куда больше их страшит схватка с настоящим одаренным равного ранга. Еще более неприятным может оказаться профессиональный интерес аристократа к внезапным успехам. Потому что оба этих события гарантируют «химику» смерть — в первом случае его убьет мастерство, во втором — гнев и ярость благородного рода. Но шанс всего этого настолько незначителен, что...

Разумеется, такая химия строго запрещена. Разумеется, на нее все равно есть спрос. А значит, она страшно дорога и приносит огромную прибыль — достаточную, чтобы Кочетов регулярно выкупал экспонаты Sotheby's для своей коллекции.

Сегодня днем груз с полугодовым запасом химии пошел ко дну. Перевозчик развел руками и посоветовал покупать страховку.

«Досадно», — подумал человек-камень, замерев в душевой под холодными струями контрастного душа.

Еще более досадно, что химия уже была распределена по постоянным покупателям, за нее получены деньги, а цех не сможет выдать новую партию раньше чем через три месяца.

С точки зрения постороннего не случилось ничего фатального — ведь деньги можно вернуть обратно, внимание властей к грузу не привлечено, канал перевозки не вскрыт, а клиенты никуда не денутся. Все верно, за исключением последнего пункта. Клиенты не примут деньги назад. Клиентов не интересуют причины случившегося и чужие сложности. Они захотят получить свою Силу — в синеватых таблетках, в капсулах без надписей. И

действовать будут, думая мускулами и рангом. Они поведут себя так не потому, что тупые или недалекие, — ими будет двигать страх, лишаящий разума. Ведь пропуск дозы — гарантированное падение вниз. Целая толпа разъяренных пока еще «ветеранов», «учителей» и «мастеров».

Значит, придется сократить срок производства до месяца. Такое возможно — достаточно подпитать узкие места техпроцесса деньгами, избыточно дублируя высокотехнологичное оборудование. Дорогие и запрещенные реактивы, запас которых также пополняется с солидными интервалами, тоже реально раздобыть и протащить через таможню, оплатив золотом по весу. «Варщики» не откажутся от трудового подвига, если поманить пухлой пачкой резаной бумаги... Все решаемо.

Остается один вопрос — кто за все это будет платить? За потерянную партию товара, за оборудование, за накладные расходы, за реагенты, за работу, за недостачу прибыли, наконец? Олег Степанович обратился с этим вопросом к своим покровителям.

Там, за зеркальными окнами офиса-башни крупной газовой компании, его уверили, что он не зря все это время платил двадцать процентов от дохода. На этом разговор через электронный терминал с невидимым собеседником завершился, и управляющий вежливо вывел его из кабинета. Быть может, действительно не зря. Но смутное ощущение бессмысленности встречи не покидало его с того самого мига.

Постояв под душем еще пару минут, Кочетов решил дать покровителям неделю. А дальше он решит свою проблему сам, как делал все эти годы. Раз перевозчик взял груз, но не отдал его в конце маршрута, то отвечать ему. Олег Степанович знал, как убедить партнера в правильности данной мысли — достаточно выбрать хороший аргумент. И самым лучшим аргументом в этом случае будет единственный наследник Зубова, в целом виде или, если его отец упрется, по частям. Аристократа Зубова Кочетов не боялся — драгоценная химия производилась еще и для двух десятков его собственных бойцов.

Из здания Кочетов выходил с готовым решением. Привычно подхватив за талии шагнувших к нему прекрасных девушек — шедевры природы, одетые в шедевры модельеров и ювелиров, — он загрузился в шедевр немецкого автопрома и отдал приказ водителю-профессионалу двигаться в особняк, признанный шедевром архитектуры средних веков. Как уже говорилось, Кочетов любил совершенство. Увы, его собственные планы не всегда могли этому соответствовать.

Звенели в ушах слова сочинения, рисуя картину золотой осени, самого ее цвета с еще не облетевшей листвой, теплыми деньками и синим небом над головой. Во всяком случае, вид на школьном дворе полностью соответствовал описанию. Разве что крупное тело одноклассника, пытающегося укрыться среди веток высокого дуба, не особо вписывалось в общую картину. Но это дело временное — большая перемена скоро кончится.

— Ян.

Крона тревожно ворохнулась, скрывая испуганный взгляд. Ветки закрипели, рассказывая о новой попытке забраться повыше, а лента сорвавшихся на землю желто-красных листьев указала маршрут нового восхождения, уже третьего за десять минут.

— Ян, — выждав еще пару минут, с любопытством произнес я.

Сверху что-то жутко захрустело, а верхушка дерева опасно наклонилась, подчиняясь потенциальной энергии (физика, второй урок) и отчаянным усилиям молодого примата (биология, первый урок).

— Ян, — оценив дистанцию до условной вершины, озвучил я и скептически почесал подбородок.

— Хорошо, я сдаюсь! — раздался с небес панический голос.

— Тогда слезай, — покладисто улыбнулся я.

— Н-не могу, — задрожал голос из ветвей.

— Ян, — укоризненно произнес я.

— Хорошо-хорошо!

Дуб хорошенько трянуло несколько раз, воздух вокруг заполнился медленно падающим облаком листвы, из которого хмуро вышагнул одноклассник, на ходу вычесывая из гривы волос мелкие ветки и паутину.

— Твой портфель, — миролюбиво указал я на подобранный мною в процессе погони и пристроенный неподалеку ранец.

— Спасибо, — выдал он после короткой паузы, настороженно поглядывая исподлобья.

— Обсудим условия перемирия, — повел рукой, предлагая пройти по школьной аллее.

Ян молча подхватил портфель и зашагал рядом.

— Шесть плиток шоколада, волейбольный мяч. — Я проследил за выражением лица, в общем-то одноклассник не имел ничего против, и добавил: — Пересядешь на другое место.

— Это еще зачем?

— Зато я не буду сидеть у тебя за спиной, — развел я руками.

— Но это ведь ты!.. — вскинулся он.

— Ян, но до этого ведь не я? — Уголки моих губ приподнялись в ироничной улыбке.

— Ладно, — вздохнул парень, скидывая с плеча несколько прилипших листьев.

— На этом недопонимание между нами, я думаю, исчерпано. Даже дуэль не потребуется, как считаешь?

— Ага! То есть, думаю, мир, — несмело улыбнулся он.

— Вот и отлично, — подвел я черту, слегка отступая назад.

— О, Руслан Артемьевич идет, — произнес Ян, заметив то же самое, что заметил я. — Явно не в духе и ищет кого-то.

На самом деле сложно не заметить плохое настроение, когда от человека за сотню

метров шибает яростью, а кулаки то и дело покрываются всполохами огня. Но в отличие от Яна я, кажется, знал, кого он ищет. Во всяком случае, резко захотелось кушать, а это примета меня еще никогда не подводила!

— Ну я побежал, — хлопнул одноклассника по плечу, развернулся и понесся в сторону знакомого дуба. Он, между прочим, отлично себя зарекомендовал, и потому совершенно незачем искать альтернативу.

— Сюда! — крикнул за спиной знакомый голос.

Предатель! Теперь одним мячом не отделаешься.

— Максим, — хмуро произнес с земли Руслан.

— Да-да? — перегнулся я через толстую ветку.

— Ты почему не на уроке?

— Я на него как раз иду, — заверил его, продолжая карабкаться вверх.

— То есть как идешь? — с легким недоумением спросил он снизу.

— По оси игрек я почти на месте.

— Чего?

— Это геометрия, там поймут.

— Максим, если ты не спустишься, я поднимусь за тобой!

— Отлично, вместе придем на геометрию, — буркнул я себе под нос, цепляясь за новую ветку.

— Хорошо, давай договоримся, — с подозрительной покладистостью произнес он.

— Кхм? — наклонился я вниз.

— Ты спустишься, мы спокойно поговорим, как взрослые люди.

— Хм.

— И я не буду поджигать дерево!

— А вы умеете убеждать, — вздохнул я, спускаясь без малейшей охоты.

— Итак, что ты натворил? — спросил он, пока я отряхивался от налипшей листвы.

— Уточните хотя бы день! — возмутился в ответ.

— Вчера вечером.

— Да в общем-то ничего особенного. — Но на всякий случай отодвинулся.

— Тогда почему от меня требуют срочно найти тебя живым или мертвым?!

— Уточните — кто? — заинтересовался я.

— Директор!!!

— Нет, ну вариантов много в самом деле... — Я с солидным видом задумался. — А он сам ничего не говорил?

— Он был под капельницей.

— Хм. Кстати, есть отличный новый директор, очень рекомендую. Хотите, познакомлю?

— Максим... Так, стоп. Молчи, просто иди вместе со мной. Вот, руку мою возьми.

— А почему она холодная? Там ведь огонь был?

— Так у всех происходит, — буркнул он и быстрым шагом направился к корпусам.

— Ну не знаю, у меня не так, — продемонстрировал я и призвал Силу.

— Максим! — взвыл резко дрогнувший Руслан. — Еще немного, и я вспомню про второй вариант: «Живым или мертвым».

— Все-все, я просто немного нервничаю.

До здания добрались прискорбно быстро, даже не успел толком привести себя в приличный вид, разве что лицо приняло выражение печали пополам с абсолютной

невинностью. Не помогло.

— Это он! — ткнули в меня пальцем, стоило открыться двери.

Какая бестактность, а еще кабинет директора! Кстати, вчера мне казалось, что кабинет гораздо больше, но это, наверное, потому, что сейчас в нем было восемь человек, хмуро смотревших прямо в душу.

— Людмила Семеновна, это точно он? — спросил у секретаря мужчина в строгом костюме, примостившийся на уголке стола.

Сидячих мест в комнате было откровенно мало — за столом директора сидел он сам, почему-то откинувшись в массивном кресле и потирая левую часть груди через наполовину расстегнутую рубашку. С местом секретаря тоже все было привычно, а еще трех стульев для посетителей не хватало, оттого остальные оккупировали подоконник и стол.

— Да, — шмыгнула носом женщина.

— Стоп! — с отчетливой болью непонимания прозвучало над головой. — Вы можете толком объяснить, что произошло?

— Вчера после уроков этот молодой человек зашел в секретариат, — заговорил сосед секретаря.

— Он казался таким приличным мальчиком!

— И попросил воспользоваться электронной почтой.

— Шоколадку подарил...

— Людмила Семеновна, успокойтесь, — вмешался Руслан. — Дальше!

— А дальше разослал всем вот это! — грозно тряхнув листком бумаги, учитель протянул его в нашу сторону.

На моем левом плече сильно сжались пальцы.

— По первому списку разослал!

— О-ох, — тоскливо донеслось со стороны директорского кресла.

— По первому списку? — вкрадчиво повторил Руслан.

На правое плечо легла его вторая рука.

— Д-а, — дрогнул голос учителя.

— А почему наша система пропустила такую рассылку во внешнюю сеть? — мягко задал Руслан вопрос.

— Это ведь... — Учитель запустил пальцы под воротник и парой резких движений выбил из петли верхнюю пуговицу. — В общем...

— Очень интересно, — подбодрил его Руслан.

— На компьютере почему-то осталась... электронная цифровая подпись... к-княжеская.

В наступившей тишине можно было услышать, как хрустит ткань моего костюма в руках Руслана. Сам-то я уже благоразумно вывернулся и тихонечко сползал вниз.

— То есть все письма ушли за подписью его сиятельства?

— А-ах, — простонал директор, скрипнув колесиками кресла и тактически верно откатился подальше.

— И что же было в этом письме? — с обманчивой мягкостью, будто врач, заманивающий на прививку, спросил Руслан прямо в ухо, а плечи вновь попали в жесткий захват.

— Т-там был вызов всех школ, — вместо меня ответил учитель, — на соревнование за титул лучшей школы в империи.

— Я все объясню, — откашлявшись и вновь заползая обратно в пиджак, заявил я

солидно.

— Очень, очень интересно, — поддакнул Руслан.

— Соревнования проведу сам, приз тоже с меня, — решительно обозначил я всю меру своей ответственности.

— О-ох...

— Выиграю тоже сам. Ну, вместе с Пашкой. Мне для дела надо.

— Максим, — с тихой яростью произнес Руслан Артемьевич, отпустив мои плечи и отступив на шаг назад.

И было в этом слове нечто такое, из-за чего лица всех, смотревших в мою сторону, вытянулись и отчетливо посерели. Странно, что мое имя пугает взрослых людей. В кабинете вновь повисла тоскливая тишина, которая вот-вот должна была разразиться громом некоего решения — и ждали его отчего-то вовсе не от директора, а от Руслана.

Но в момент, когда слово должно было прозвучать, в идеальном беззвучии отбойным молотком прогудел сигнал телефона. Станный телефон — бежевый, без номерного диска и клавиш, он занимал место на маленьком столике за спиной директора. И эта странность была настолько притягательна, что все взрослые оставались неподвижными, будто были загипнотизированы, пока гудели все семь резких гудков, — ровно до того момента, как я поднял трубку. Кто-то же должен был это сделать!

— Аллоу? Директора? — повернулся я к директорскому креслу.

— А-ахх...

— Он не может. Он при смерти. Меня Максим Михайлович зовут, — ответил я на приветствие очень солидного, неспешного и уверенного мужского баса на том конце провода. — Очень приятно. Совершенно с вами согласен. Непременно. Немедленно, — соглашался я на совершенно логичные фразы. — Взаимно. До свидания.

Я положил трубку, с уважением глядя на бежевый аппарат, будто бы на недавнего собеседника, потом поправил бабочку и развернулся к остальным.

На меня смотрели восемь пар ошарашенных глаз. Даже директор ожил ради такого дела.

— Меня назначили новым директором и призвали решительно разобраться с творящимся тут бардаком! — рубанул я ладонью воздух. — И первым своим приказом я требую немедленно ввести в меню пюре и котлеты. Доколе!..

— Максим, — как-то совсем ошарашенно произнес Руслан Артемьевич.

У остальных лица отчего-то были не лучше. Хм.

— ...и на двадцать процентов поднять заработную плату персоналу!

Вот, лица уже обрели осмысленность и некоторую задумчивость.

— Нет, это категорически... — встал с места учитель географии.

— На тридцать. Первый урок можно проспять.

— А может и... — собрался он было кивнуть головой, но наткнулся на взгляд Руслана и проглотил окончание фразы.

— Это все недоразумение, — вымученно произнес Руслан. — Все свободны, соберемся завтра в десять часов. Максим, останься.

— Разумеется, это же мое рабочее место. — Я обернулся на тело, сидящее в моем кресле, и наткнулся на колючий взгляд своего предшественника. Н-да, как-то неловко вышло, надо бы сгладить. — Хотите шоколадку?

Судя по скрюченным пальцам, тянущимся к моей шее, — не очень. Тут еще и Руслан подошел опасно близко.

— Ну я, пожалуй, пойду... — перепрыгнув через стол, подхватил свой кейс и скрылся в двери, устремившись туда, где меня точно не будут искать — на урок геометрии.

— Самойлов, опаздываешь, — попеняла мне учительница, когда я с солидной неспешностью, подходящей для новой должности, шел к своему месту.

По пути остановился возле парты Яна и внимательно посмотрел на него, дождался, когда на лице возникнет паника, похлопал по плечу, молча призывая к действию, и стал ждать продолжения на задней парте. Ян обернулся, наткнулся на мой утвердительный кивок, резко выпрямился и все-таки потянул руку вверх.

— Да, Ян? — поинтересовалась учитель.

— Разрешите пересесть на другое место.

— Чем тебе это не нравится?

— Пожалуйста, — растерялся он и принялся подыскивать уважительную причину. — Я тут отвлекаюсь.

— Ну пересядь, — недоуменно пожала учительница плечами.

Ян подхватил учебник, портфель и проковылял за последнюю парту в первом ряду.

— Разрешите сесть поближе, — тут же поднял я руку.

— Хорошо, — выдохнула она, недоуменно глядя на наши действия.

— Максим, очень приятно, — пожал я соседке руку и с удовольствием оценил удобство близости к доске, согретое место и приятный, хоть и еле ощущаемый, аромат духов, исходящий от девочки.

Совсем другое дело!

— Татьяна, — благосклонно улыбнулись мне.

— А можно Таня тоже отсядет ко мне? — возмутился Ян с последней парты.

— Я тут не отвлекаюсь, — гордо вздернула Таня подбородок.

— Класс, тишина. Страница двадцать три, шестое задание. Делаем в рабочих тетрадях, к доске пойдет Зубов, — ткнула учительница ручкой в журнал.

— А Паши нет сегодня, — ответила его соседка.

— Тогда пойдет... — И перст судьбы вновь запорхал над фамилиями.

Много их там, и все разные. У нас раньше Ивановых было три штуки на группу, а тут у всех затейливые, я некоторые раньше и не слышал.

— Таня, не расскажешь мне о классе? Как кого зовут, где кто сидит? — шепнул я соседке и с деланным смущением улыбнулся. — Я так и не познакомился со всеми. С меня шоколадка.

Отдам одну из тех, что мне должен Ян. Но для начала на отраву проверю — что-то он слишком возмущенно сопит, аж отсюда слышно.

— Легко! За первой партой Миша Дивеев, древесина и мебель. Рядом Аня Акчурина, она «р» не выговаривает. За ними Петр Бабичев, электроника, вместе с Олей Ижеевой, у нее скобы на зубах. Потом Артем Садовников, грузоперевозки, и Юлия Антонова, у нее ноги кривые. И Ян Микадзе, импорт вина, раньше со мной сидел, — потупила Таня глазки. — А я спортом занимаюсь.

— Вторая парта! — одернула нас учительница.

— Да, вторая парта! — возмущенно поддержал Ян. — Рассадить их надо, Вера Леопольдовна!

— Ян, к доске.

Тот с печальным стоном мученика потопал к доске. А вообще — неплохой сегодня день.

— А вы чем занимаетесь? — шепотом спросила Татьяна.

— Завоеываю мир.

— И как, получается? — со смешком подначила она.

В этот момент дверь распахнулась, и в ней показалась слегка растрепанная голова Руслана. Момент — и обескураженный вид сменился торжественным, стоило ему разглядеть меня посередине ряда.

— Постоянно мешают, — грустно вздохнул, собирая вещи в кейс.

— Вера Леопольдовна, можно Максима забрать?

— Разумеется, — с улыбкой отправили меня на верную гибель.

Хотя по коридору мы шли спокойно и двигались вовсе не в глухую подворотню или подвал, завершили путь в знакомом кабинете с одним столом, двумя стульями и единственным окном, за стальными жалюзи которого город укрывался от наших бед.

— У нас проблема, — сделал он акцент на втором слове, с кислым видом глядя на меня. — И даже несколько.

— Да понял, что идея была неудачная, — понурил я голову.

Я действительно чувствовал, что все вышло за пределы неплохой в общем-то затеи — организовать соревнование и выиграть его вместе с Пашкой. Я не видел в этом никакой сложности и действительно готов был все взвалить на себя, даже призовой фонд в сорок тысяч рублей имелся. Но, видимо, что-то пошло сильно не так, и, если честно, пока не разобрался, где именно.

— Идея, — хмыкнул Руслан. — Отправить вызов лучшим клановым школам и лицам империи?

— Зачем соревноваться со слабаками? — пожал я плечами.

— Ох-хо-хо, — схватился он за голову. — Ладно бы инициатива школы, а тут вызов от самого князя... Словно насмешка, сомнение в их силах. Максим, школы «первого списка» на голову лучше нашей, мы в списке номер два, если тебе интересно.

— Это потому что у вас меня не было.

Руслан Артемьевич поднял ироничный взгляд.

— Соревнования никогда не ограничиваются забегами, прыжками и прочим. Обязательны танцы, творчество, противостояние опасностям природы.

— Чего? — недоверчиво переспросил, придвигаясь чуть ближе.

— А ты думал, — хмыкнул он. — Со следующей недели начнем отбор представителей. Его сиятельство велел сделать вид, что все так и задумано.

— Какой еще отбор? — возмутился я.

— А вот так. Ты, к счастью, регламент не расписал, так что мы подсуетились со вторым письмом. Проведем небольшое, скромное мероприятие, по одной команде от школы.

— Значит, записывайте команду — я, Паша.

— Сами записывайтесь, соревнования открытые, — отмахнулся он. — Нас будут представлять лучшие.

— Именем директора!

— Нет, этот приказ еще старый директор подписал. Здесь нет твоей власти. И вообще, ты не директор, так что вот, подпиши. — Он с деланой невозмутимостью достал листочек с заявлением об увольнении и ручку. — Формальности, — махнул рукой.

— Нет, не хочу, — отодвинул я листок.

— Пожалуйста, — отчего-то засмутился Руслан и придвинул лист снова.

— Но я ведь не директор? — Бумага вновь скользнула к нему.

— Разумеется. Но дело в том, что тебя случайно назначил его сиятельство и... — отвел взгляд Руслан. — В общем, князь не любит отказываться от своих слов. Поэтому очень тебя прошу — подпиши, — просительно завершил он.

— Да я и директором себя неплохо ощущаю, — сложил я руки на животе.

— А я тебя прикрою от князя с этими соревнованиями!

— Скажете, что само так получилось? — грустно улыбнулся я. — Нет.

— Я могу тебя и уволить, — добавил он строгих нот в голос.

— Так почему не уволили? — развел я руками.

— Ладно, — проскрипел Руслан сквозь зубы. — Я не могу тебя уволить, потому что тебя назначил князь. Поэтому, пожалуйста, подпиши.

— Но я войду в отряд от нашей школы вместе с Пашкой?

— Нет.

— Тогда предложите мне что-нибудь взамен, — предложил щедро, взял ручку и изобразил подпись над листком.

— Я постараюсь помочь тебе пройти отбор. Обучая! — добавил Руслан.

— Так, а еще? — поднес я ручку к листу, обозначив первую линию.

— Одноклассницу в соседки, — совсем обескураженно развел Руслан руками.

— Хм. — Это ж в два раза больше запятых! Я на минуту задумался, прикидывая, как посадить вторую — слева от себя или обеих вместе. — Ладно.

— Точно? — воодушевился он.

— Светлану.

Удивительной красоты девушка, встретила мне в первый день, еще на летних каникулах, когда я только думал идти сюда учиться. Больше я ее не видел — ни на следующий день, ни после первого сентября. И это действительно печалило — даже сильнее, чем разлука с Лайкой и котом Машком.

— Что? — недоуменно поднял взгляд Руслан.

— Светлана еще работает на вас?

— Да, — осторожно качнул он головой. — Только она уехала на следующий же день после знакомства с тобой, откомандировалась в дальний филиал.

— Вот.

— Но ей двадцать два, она вряд ли будет рада вернуться в восьмой класс...

— Так я подписываю или нет?

— Мм, — после некоторой паузы вымолвил Руслан. — Ты ведь понимаешь, что это должно быть и ее решение тоже?

— А вот, кстати, какая зарплата у директора?

— Но думаю, я смогу ее убедить, — вымученно улыбнулся он.

Лихой вензель украсил документ, после чего бумага была мигмом притянута на другой край стола, будто бы я мог передумать.

— И еще мне нужна парта на три человека, — остановившись на пороге, спохватился я.

— Да, конечно, — не расслышав, автоматически произнес Руслан, с удивлением разглядывая подпись, очень похожую на слово «Император».

Люди дела бережно относятся ко времени, окружают себя циферблатами и часовыми стрелками, опекой секретарей и звуками электронных уведомлений. К бережливости с опытом примешивается изрядная доля суеверия — даже самый пунктуальный управленец отчетливо понимает, что все равно наступит момент, когда течение реальности взбрыкнет и проглотит половину часа, заставив черкать записи в ежедневнике и перекраивать планы. Сколько ни гипнотизируй секундную стрелку взглядом, день будет идти так, как ему удобно — такие одинаковые секунды могут пролетать под ритм заполошного сердцебиения опаздывающего человека, а могут растягиваться нервными минутами ожидания.

Время для князя Шуйского летело соразмерно оборотам колес его лимузина, под завывание сирен раскручивало длинную стрелку до ста двадцати километров в час, игнорируя красный цвет светофоров. Благо улицы в рабочее время были пустынные, и две автомашины, схожие как две капли воды, неслись к аэропорту без единой остановки, заставляя редких прохожих с любопытством провожать себя взглядами. У невольных зрителей имелось на это время — коварно-текучие мгновения отпусков, легкомысленные дни школьников и студентов, застывшие сутки пенсионеров.

У князя же оставалось только то, что получается, если разделить расстояние на среднюю скорость движения, да и не в секундах это лучше мерить, а в делах, которые можно попытаться решить. Например, выработать позицию по совершенно неожиданному вопросу, из-за которого его и пригласили в столицу. Видимо, время очень благоволило другим князьям, раз они за половину дня успели обсудить нелепый вызов-приглашение на детские соревнования, выработать общую позицию, собраться вместе и вызвать устроителя на дружескую встречу. Неприятная оперативность, неприятное единодушие и неприятная ситуация в целом. Кстати, о ней.

— Руслан, возьми бумаги, — с солидной неспешностью произнес князь, передавая из стопки бумаг, размещенных на коленках симпатичной секретарши, красную папку.

Салон лимузина не отличался особым простором — пространство для пассажиров ограничивалось широким диваном, на котором удобно разместилось трое: сам князь в центре, его секретарь по левую руку и племянник, сын младшего брата, немного скованно примостившийся у двери справа. Все остальное пространство съедали толстые стены изолированной капсулы, которая была предназначена для того, чтобы выдержать залп солидного калибра. Где-то там, за стенами, разместились оборудование для фильтрации воздуха, оружейные системы, аппаратура связи и ее глушения и еще много всего интересного (и довольно габаритного), без чего крайне неосмотрительно посещать Москву. За это и любят лимузины — не за роскошь, а за возможность впихнуть внутрь побольше всякого и не выглядеть при этом танком.

— Отправишься к Самойловым.

— Я как раз хотел поговорить, — чуть воспрянул Руслан, принял папку из княжеских рук и, не глядя, положил ее возле двери.

— Первый лист выучи, — проигнорировал предложение князь, отвернувшись в другую сторону. — Там очень красивый и убедительный текст, изложишь его Мише Самойлову наедине.

— Но...

— От себя ничего не добавляй, слова подобраны очень удачно.

— Ваше сиятельство...

— Думаю, Миша будет счастлив, что отделался так легко.

— Ваше сиятельство!

— Жизнь детей ценнее денег и свободы.

— Дядь Жень...

— Что? — повернулся к нему князь, сохраняя равнодушие на лице.

— Я прошу... не для себя прошу. Прости их, — с жаром обратился к нему Руслан.

— В своем ли ты рассудке? — приподнял бровь Евгений Александрович Шуйский, князь и владелец окрестных земель и всех городов на сотню километров вокруг.

— Так будет лучше для клана, — твердо произнес племянник.

— Для клана будет лучше, если у него появится уникальный слуга, — не согласился князь.

— Ради чего? Артефакты? Но он и так делает их для нас!

— За плату, — поджал губы Евгений Александрович и растолковал, как маленькому: — А будет — бесплатно, всегда и только нам. Разница понятна?

— Выгода действительно кажется очевидной, — заторопился Руслан, краем глаза отметив столбик километража на трассе — до аэропорта оставалось немного. — Но только на первый взгляд!

— Слушаю. — Князь изобразил слабую заинтересованность.

— Подневольные мастера никогда не стараются работать в полную силу.

— У нас есть чем надавить.

— Я не говорю про сроки, — дернул рукой Руслан. — Не говорю про качество! Я уверен, Михаил всегда будет делать все идеально! Но шедевров от него мы не дождемся никогда! Да, мы не сэкономим деньги, но разве мы бедны? Что нам эти бумажки?!

— Ты их сначала заработай, — проворчал князь в ответ.

— Дядя, он все равно потратит их у нас! Если ему будет тут хорошо, он никогда не уедет, а значит, деньги, которые мы возьмем для оплаты в нашем банке, он положит обратно в наш банк, изредка будет забирать, чтобы купить что-нибудь у нас же. Да это же то же самое, что работать бесплатно, дядя! Так зачем его ломать...

— Да затем, что за самозванчество в мое время рубили голову! — гаркнул князь, заставив вздрогнуть задремавшую было секретаршу. — Подделка подписи — это не то, за что можно прощать. И не говори мне про возраст чада. Все повинны в делах своих, а за отрока повинен отец!

— Ваше сиятельство, в произошедшем есть и моя вина, — похолодел голос Руслана, он нарочито выпрямился и посмотрел прямо перед собой.

— Не сиятельствуй мне тут! Есть на тебе вина, да. Полгода эта флешка у всех на виду болталась! Полгода! А если бы ее украли? А если бы с ее помощью подписали что-то пострашнее вызова на соревнования? Объявили войну, например?! А?! — взъярился князь.

Скверная ситуация. Не все решения в школе мог принимать директор — был рядом со школой целый комплекс, маскирующийся под заводскую территорию. И работали там совершенно иные педагоги, для которых не существовало другого имени под документом, кроме княжеского, — именно ему они клялись в верности и только он мог им приказывать. Но владелец земель также не мог тратить свое время на пустяки, у него хватало вопросов гораздо более серьезных. Поэтому в качестве альтернативы в школьном сейфе появилась

электронная подпись — ее было вполне достаточно для контроля над излишне гордыми, чванливыми, но слишком ценными специалистами. И если бы ее в один прекрасный момент попросту не забыли, оставив подсоединенной к тыльной стороне системного блока на целые летние каникулы — ведь она просто была не нужна, ее никто не искал...

— Так, может, хорошо, что... — осторожно озвучил Руслан.

— Очень хорошо! — рубанул рукой князь. — Будет у нас теперь свой артефактор.

— Средний артефактор...

— У других и такого нет.

— ...дети которого станут нас ненавидеть. Нам это нужно? — упрямо сказал Руслан Артемьевич, глядя старшему родичу в глаза. — Нам нужно, чтобы отец разочаровался в сыне? А дети — в брате? Нам нужно, чтобы Федор Самойлов, движимый злостью на нас, ушел в другой род? Зачем нам делать из друзей слуг?

— Они нам не друзья! И вряд ли ими станут! Все, молчи. Хорошо, — протер князь ладонью глаза и мельком глянул на часы. — Что ты предлагаешь? Простить?

— Простить, полностью, — категорически произнес Руслан. — Объяснить все последствия поступка, но простить.

— Ерунда, — фыркнул князь. — Зачем?

— Затем, что я взял Максима на обучение, — твердо продолжил Руслан. — Когда он вырастет...

— Будет еще один «учитель». Который может пойти своей дорогой, и все твои усилия уйдут вместе с ним, — перебил князь, завидев въезд в аэропорт и поправляя одежду.

— Когда он вырастет, у нас будет еще один «учитель», — повторил Руслан за старшим. — Увешанный от головы до пят артефактами производства своего отца и брата. Бесплатными, как ты любишь.

— Ну ты хватанул... — замер на секунду князь.

— Он их родич, — надавил голосом Руслан. — Они никогда не дадут ему умереть. Но он приемный, и ему будет позволено самому решать свою судьбу. В том числе выбирать, с кем дружить.

— Вот именно, что приемный! Чужая кровь! Я вообще полагаю, что от него откажутся, услышав наши требования.

— У ребенка сегодня на руке было кольцо Хрофта. Чужим такого не дадут.

— А мне он его отказался делать, — невольно присвистнул князь, припомнив переговоры месячной давности и предложенную мастеру сумму.

— Что еще он откажется делать нашему роду, но сделает ради сына? — чуть улыбнулся Руслан. — Я только одно забыл сказать — у парня ранг будет чуть выше «учителя». Совсем немного, — показал он пальцами крохотное расстояние. — Может быть, нам все же нужен такой друг? Или ты предпочтешь озлобленного сына слуги?

Машина остановилась, но князь, глубоко задумавшись, не торопился с завершением беседы.

— Допустим... — буркнул он, разглядывая взлетную полосу. — Ты точно сможешь сделать так, чтобы он вошел в наш род?

— Для этого нужна признательность, а не уговоры. Для начала, за прощение...

— Я задал вопрос.

— Ваше сиятельство, я приложу к этому все усилия. Ваше сиятельство, есть кое-что, что может мне в этом сильно помочь.

— Ну? — приподнял князь бровь.

— Светлана. Она может помочь в обучении и удержать от новых... хм... шалостей.

— У нее другой профиль, — отмахнулся Евгений Александрович. — К тому же ее влияние вне учебы...

— Светлана отправится в восьмой класс, — словно в холодную воду, решительно бухнул Руслан.

Рядом закашлялась секретарша.

— Ты, часом, не болеешь? — слегка озадаченно произнес князь и даже приложил руку ко лбу племянника.

Тот увернулся и продолжил упрямо гнуть свою линию:

— Целители вернут молодость лицу, визажисты немного поиграют с прической, и получится вполне достоверно. Добавим легенду эмиграции в раннем возрасте, странности поведения станут незаметны. Для Светланы привычно менять внешность и биографию.

— Руслан, это профессиональный убийца, — как маленькому, медленно сказал старший. — Если тебе нужен человек рядом с парнем, давай выберем сверстника из младших семей...

— Ради награды она все выполнит в точности, — уперся Руслан. — Не найти исполнителя лучше.

— Нет такой награды, — ответил князь, еще раз глянув на часы.

— А если я попрошу вернуть ей ее жизнь и присягу? — не удержав легкой дрожи в голосе, произнес Руслан. — Навсегда, по исполнению задания.

— Светлана — слишком ценный ресурс.

— Светлана сходит с ума, — мотнул головой Руслан. — Дядя, тебе должны были доложить. Два последних объекта ликвидированы с ничем не обоснованной жестокостью.

— Мне, допустим, доложили, — пожевав губы, произнес князь. — Вопрос в том, откуда ты... Не важно.

— Она больше не нужна клану.

— Она уникальный специалист, — не согласился тот.

— Который неизвестно когда сорвется. Ее даже исключили из евристической программы.

— Мы всегда найдем нашему верному слуге место...

— Ей не понравится это место. Она его возненавидит, как и свои задания. Потому что определишь его снова ты.

— Не читай мне мораль, — строго оборвал его князь. — Я действую во благо клана.

— Я — тоже. Поэтому... Дай ей свободу, твое сиятельство, она заслужила... Пожалуйста.

— Допустим... Насчет свободы я подумаю. Но я не вижу причин, по которым ее стоит отправлять за парту. Это опасно, и ты уже сказал почему.

— Это же школа! Дети, расслабление!

Князь скептически глянул на него.

— Она его боится, — словно не веря себе, сказал Руслан.

— Кого? — удивился князь.

— Максима. А Максим хочет, чтобы она сидела с ним, — отвернувшись и явно ожидая услышать отказ в ответ на такой бред, с оттенком обреченности произнес племянник. — Я... Я надеюсь, он сможет ее излечить. Вернуть в то состояние, когда она не была сиреной. Это ради нее тоже.

— Какой интересный молодой человек. Надо будет с ним пообщаться, — протянул старший через некоторое время.

— Ты уже общался, вчера, по телефону, — улыбнулся Руслан, воодушевившись тем, что отповеди не последовало. — Директором назначил.

— О как, — округлил глаза князь.

— Но он уже подписал увольнение, — замахал племянник рукой. — Так что все в порядке.

— Ничего не в порядке! — гаркнул для острастки Евгений Александрович. — Творят неведомо что, а сами листки на повышение заработной платы подсовывают!

— Это распоряжение нового директора.

— Какого еще директора?! Этого мелкого?! Да вы совсем рехнулись, все отменить! — От князя во все стороны шибануло плотной волной гнева и Силы, накапливаемой еще с раннего утра.

— И котлеты тоже? — уточнил Руслан, будучи в некотором нокдауне от выплеска.

Князь резко успокоился и встревоженно глянул на племянника, опасаясь за его рассудок. Действительно, слегка пережал с демонстрацией недовольства — вон голова секретаря и вовсе безвольно откинулась на сиденье...

— Котлеты оставим, — добродушно, как полагается в таком случае, но все еще продолжая беспокоиться, произнес князь.

— А Светлана? — Смутившись из-за странного диалога, Руслан поспешил перевести тему.

— Если ты ее уговоришь. Если ты гарантируешь, что это даст результат.

Племянник упрямо кивнул.

— Под твою ответственность, — принял решение князь, мысленно списывая с баланса сил боевую единицу...

Впрочем, эта потеря все равно считалась, увы, неизбежной. Пусть неминуемый срыв произойдет под контролем. А если срыв заберет мальчика... Князь не страдал всепрощением.

— А Самойловы?

— Аналогично. Теперь их полностью поведешь ты. Контакты, проблемы, нужды и требования — все на тебе. Взамен я ожидаю расширения ассортимента изделий, снижения цен и сроков...

— Дядя...

— Да делай, как знаешь, — с легким раздражением отмахнулся князь. — Но помни, что отвечать придется тоже тебе, — добавил он с легкой угрозой. — А теперь марш из машины.

— Спасибо! — признательно улыбнулся племянник, закрывая дверь.

А затем, будучи абсолютно счастливым, смотрел, как два лимузина вкатываются по трапу грузового самолета (потому что, как говорится, передвигаться по столице в чужой машине — дураков нет), потом не удержался и совершенно по-мальчишечьи подпрыгнул, пристукнул одним ботинком по второму и направился к другому самолету, стоящему поодаль, — личному, как и полагается управляющему солидного кланового подразделения. Потому что нельзя назвать несолидным место, где учится — хоть и под чужим именем — наследник клана.

Князь был доволен не меньше — время оказалось достаточно милосердным, вся беседа уложилась в десяток стандартных минут, а значит, он не оскорбит ожидающих его столичных князей опозданием — не следовало давать повод для укоризненных взглядов и старческого

ворчания.

Хотя всего этого в любом случае не избежать, как и намеков на пренебрежение, замаскированное под допустимую в старости фамильярность. Шуйские считались кланом второй величины, причем — шестую сотню лет, со времен отречения от государева ближнего круга и северной ссылки. Евгений Александрович находил бы это весьма забавным, если бы данная история не мешала вести дела. Но увы — даже по прошествии половины тысячелетия те события обидно аукались и сказывались на имидже. Никого не интересовало богатство Шуйских, промышленность, успехи в науке и покровительство изящным искусствам — пожалуй, выложи Шуйские целую дорогу серебром, остальные князья только фыркнули бы, посетовали на чужое безвкусие, хоть и не адресовали эту фразу никому конкретному. Да даже построй они базу на Луне — все равно, кроме шуток о новом месте ссылки, он ничего не услышал бы. В общем, в те минуты, когда князь не находил данную ситуацию забавной, она его дико бесила. Например сейчас, когда его уже полчаса мурыжили в приемном зале малого великокняжеского дворца.

Личный домен третьего сына императора, как и остальных его родичей, был защищен от конфликтов именем царствующей фамилии, чем и пользовалась высшая аристократия, частенько устраивая на его землях встречи и рауты. Разумеется, как и за всякую услугу, за безопасность приходилось платить, хоть и не деньгами — всякий раз подобные сборы обзывали «конгрессами», «форумами» и иными модными словами, объясняя миру через телевидение и газеты, что собрались князья в очередной раз подумать, как сделать жизнь в империи лучше. Что характерно — приходилось думать и делать, давать интервью журналистам и внимательно следить за обещаниями. Иной раз подобные «улучшения» обходились весьма недешево, но что поделать — в другом месте крайне настороженных, подозрительных и агрессивных князей было не собрать.

Распоряжался во дворце лично хозяин земель — великий князь Сергей Дмитриевич. И, видимо, он тоже считал правильным намекнуть Шуйским на их место в обществе.

Хотя, если быть честным, князь не видел причин для такого отношения. Тогда, шесть сотен лет назад, его прапредок просто исполнял свой долг.

Жил да был царевич, коему по праву старшинства судьба уготовала править страной. Да вот со здоровьем беда случилась — хворым рос малыш, болезненным. С годами народ начал пошептывать, что не годится такой для правления, бояре водили хороводы, грустно качали головами да выписывали с чужбины могучих Целителей... Не помогало ничего — ни магия, ни молитва, ни лекарства. Потихоньку от царевича стали отходить самые родовитые, не мытьем так катаньем перебираясь служить второму царскому сыну. Чувствовали, что будет у страны новый государь.

Вот и охрану прежнему царевичу сменили, поставив во главе род Шуйских. Вроде как одарили почетной службой, а получалось, задвинули конкурента, убрав подальше от будущего монарха. К охране предок подошел ответственно, перетряхнул все дворцовое крыло да своих людей на все места поставил. И вроде как царевичу даже полегче стало — аж радостно на душе. И очень подозрительно.

В столице с того дня отчего-то стали пропадать люди из бывших слуг наследника — разумеется, не сразу, скопом, а по одному-два в месяц, да, может, и не пропадали, а к родне уезжали... Во всяком случае, люди Шуйского, отправляя нового гостя в родовую пыточную, старались оформить все как отъезд и денег для того не жалели. Не следовало привлекать к этому внимание царской охраны — не доверял ей предок. И, как оказалось, правильно

делал.

Как тут принцу не болеть, когда с детства кормят чистой отравой? Никакой дар не поможет. Вот и повадились отказывать внутренние органы, постоянной болью ломая тело и судьбу мальчишки. Регулярное питание цинком и ртутью, как оказалось, обеспечивали князя, весьма рассчитывающие посадить на трон сына от другой царевой жены. И задумали они это настолько давненько, и было их так много, что обличительные речи старшего Шуйского, высказанные им пред ликом государевым и Думой Боярской, попросту стали сигналом к дворцовому перевороту.

В те годы без всех этих телевидений и Интернета переворот был делом привычным, что на Руси, что в Европах или в восточных пределах. Народу доносили о результатах, скорбя по усопшему и радуясь новому мудрому государю. Был один Рюрикович — стал другой Рюрикович, даже грамоты переписывать не надо. Это сейчас скорости передвижения и получения информации запредельные — тронь императорскую семью, так вся страна поднимется, да еще свои же добавят, рассчитывая на государеву благодарность. Все эти договоры о дружбе, имперская аристократия, чванливо присягающая на верность государству, но не государю. Вот если исчезнет в один миг вся связь в мире... тогда в полной информационной темноте обнажат клинки те же душегубы, что и раньше.

В общем, выступил Шуйский-предок один супротив нехилой компании. Вернее, не совсем один — государя списывать со счетов тоже не следовало, как и его желание пожить подольше. Так и схлестнулись, перемежая стихийные атаки увещеваниями и гневными речами с требованием одуматься и покаяться. Князя начали подозрительно быстро умирать — не вышло убить предка сразу (тот ведь царевича сторожил и был при зачарованном доспехе), да еще государь осерчал... Да и не готовились князя к такому повороту событий, не подозревали о готовящемся обвинении, а так бы и людей своих подвели поближе, и дрался бы за них кто-то помоложе да посильнее. Даже вроде как правда, и та начала гнуть кривду, одновременно сокращая число стен дворцового терема да основательно распахивая землю, да вскрывая каменные плиты подворья...

Да тут весть пришла трагическая, отчаянным воплем с безопасного расстояния — наследника, болезного, убили. И замерли все. Да еще, усмотрев общее замешательство, меж противоборствующими вклинился патриарх.

С одной стороны, появилась еще одна причина продолжить драку. А с другой — толку от таких шахмат, где король обезглавлен после второго хода, хоть и стоят на доске все остальные фигуры.

Шуйскому-старшему стало попросту не за что воевать, его ставка на чудесное излечение наследника и последующую благодарность оказалась бита. Разве что кипела внутри ненависть, готовая воплотиться в убийственном заклинании. К наследнику он основательно привязался, гибель его переживал так же сильно, как и смерть сыновей, которые должны были его охранять (а раз он мертв — то, значит, и они...). Но за спиной еще были семьи родичей, жены, дети малые, так что гнев следовало спрятать далеко-далеко. Потому предок терпеливо ожидал от государя жеста или слова.

Государю же не резон было сокращать боярство — так либо сам помрешь, завязнув в родовых войнах, либо чуть позже с чужбины придут хищники, порадовавшись ослаблению соседа.

Мятежники опять же сориентировались мигом, ткнув в трупы на полу и обвинив во всем. Да и вообще они на государя не смели нападать, а бодались исключительно с

Шуйским, так неудачно (или коварно?!), сражавшимся возле царя. Мол, оскорбил он их своим обвинением, оттого возжелали его крови.

Тут и живой второй наследник влез, демонстрируя себя да одновременно по любимому брату скорбя и к миру в недобрый час призывая.

В общем, кровь завершилась чуть ли не всеобщим братанием, уверениями в дружбе, которые заговорщики тут же подтвердили жестокими строгими клятвами и целованием креста — очень жить князьям хотелось. Государь же ни слову не поверил. Да и, если быть честным, достигли князья своего — посадили на трон здорового и сильного наследника. Многие всем сердцем полагали — великое благо сделали...

Про отраву, как выяснилось, мало кто знал, а отравителей в первые секунды Шуйский прикончил лично. Заговор же вроде был во благо родины, ради ее процветания, а не ради разделения на удельные княжества и житья своим умом. Зря, что ли, «виртуозов» варяжских в свое время звали на царствование да под одним началом собирались? Все ради выживания...

А вот много раз прапрапрадед оказался в неловком положении — так и стоял, смущенный, с вражьей головой в руках, удерживая за волосы. То ли бросить ее — голову эту, то ли уже все вокруг друзья и надо ее аккуратно на уцелевший стол положить. А на столе том — государева печать, слегка окровавленная после драки (неслабый боевой артефакт), но все равно неловко... В итоге положил осторожно на пол, сапогом прикрыв...

Там и настигли его признательные объятия выжившего царя, лобызание в чело, перстень с руки, шуба с плеч да право основать клан (что означало княжий титул тогда еще свободному благородному роду) и тут же подписанный указ на огромные владения за Камнем Уральским (от местечка Сорокино, кое даруется ему в вечную собственность, сутки конным шагом во все стороны). И одновременно — тихий намек отбывать в свои новые земли немедленно. Предок в тот же день собрал род и отправился смотреть вроде как награду, а вроде как место вечной ссылки. Потому как не уживется он с новым государем, да и врагам там, за Камнем, не так просто до него добраться. У убитых ведь немалая родня осталась...

Все это его предок рассказал сыну, а тот — своему сыну, а тот — своему. Вот и дошло до наших дней. Да толку-то? Остальные считают Шуйских главными виновниками резни, коих повесить бы, да государь милостив и по дальнему родству, да за былые заслуги заменил позорную смерть на прозябание в диких, не обжитых в ту пору землях. Против нового государя восстал, пытаясь болезного на трон посадить и за него править! Бред, но историю пишут победители, в том числе — новый государь. Правду, разумеется, много кто знал, но защищать былых противников никто не стремился. Имперская фамилия тем более знала все, потому никаких гонений новый клан не испытывал ни сейчас, ни даже в те лихие годы — поначалу старый государь жаловал, продуктовые обозы да инвентарь на новое место отсылая, а потом и наследник в ум вошел, с возрастом ощутил признательность за то, что сохранили жизнь отца.

Иногда предку казалось, что вся эта история была создана самим государем, контролировалась им и подстегивалась руками верных людей. Не могла быть охрана царская настолько слепа, да и Целители обязательно проговорились бы об истинном недуге царевича. Отчего-то нужны были правителю тот заговор, кровь и гибель гнилых князей, уж слишком заигрывающих с границей. Он свое, наверное, получил — вместе с целым сословием лично ему присягнувших бояр, аккурат и ставших «царскими», а позже «имперской аристократией». Хотел ли царь платить за это жизнью сына? Вряд ли, полагал, что скорее

вылечит по прошествии событий — слишком сильно любят высокородные свою кровь, хоть и здоровьем отпрысков готовы жертвовать без меры. Думал ли государь, что вместе с сыном станут убивать его лично? Увы, в переплетениях заговора сложно заметить несколько ниточек, созданных чужими руками. Такой вот выверт судьбы...

В учебниках по истории этот эпизод не упомянут вовсе, как и десяток, а может, и сотня других. А на устах осталось только одно — Шуйские в немилости после заговора.

— Князя Шуйского в Бархатный зал!

Евгений Александрович оправил полы роскошной шубы из серебристого соболя — той самой, с царского плеча. Разумеется, ее изрядно ремонтировали и перешивали, так что выглядела она вполне подобающе, вызывая уважение у молодых родов и дикую, тщательно скрываемую зависть у родов старых. Особенно у тех, за смерть предков коих шуба была получена... Те как раз больше всех и плевались ядом, говоря про «изменников», и будут плеваться еще тысячи лет. С историей у аристократии свои отношения — все оттоптанное мозоли тщательно записаны — как бы не с самого сотворения мира.

Вот с восприятием действительности у них иногда бывают легкие проблемы.

Все знают, что Шуйские ведут жизнь затворников, только изредка выбираются на самые крупные мероприятия в империи. Некоторые полагают причиной этому немилость государя и, обсуждая факт между равными, начинают фантазировать насчет слабости клана, подкрепляя свои слова отсутствием фамилии в новостях, серостью рода, не влезającego ни в политику, ни в светскую жизнь. Им отчего-то мнится, что сила — в показной роскоши, безумстве юного поколения в модных салонах, в дуэлях и мелких приграничных войнах. Большинству не приходит в голову просто посмотреть на карту и убедиться, что клановые земли Шуйских побольше некоторых стран (предок в свое время наскочил по предусмотрительно расчищенным дорожкам полторы сотни километров, безжалостно загоняя коней). Так бы, возможно, им стало понятно, что клану просто плевать на всю эту суету и хватает дел внутри собственных владений. Разумеется, деловые партнеры прекрасно были о том осведомлены.

Другим же придется напомнить, что крайне вредно кормить собственную гордость вымыслами и заставлять князя ждать. Пусть даже эти «некоторые» великокняжеских кровей.

Невзрачный серебристый кулон из чуть потемневшего серебра скользнул в левую руку. Один из многих подарков Самойловых в знак благодарности за гостеприимство делал нужное и крайне полезное дело — концентрировал волны гнева, переплетенные с Силой, не выпуская их за круг диаметром в метр, и одновременно сохранял одежду от воздействия воплощенных эмоций и ярости. Вокруг князя лениво заструились еле видимые желто-алые ленты пламени, вытанцовывая на самой границе условного круга, сопровождая каждый его шаг и жест. И вместе с ними в пространстве двигалась давящая атмосфера могущества, усиленная волшебством старого артефакта.

Над ухом еще раз затравленно прокричали титул и фамилию — мажордом еле вобрал воздух в легкие и завалился ослабевшим телом на раскрытую дверь.

В этом зале князь еще не был — не годилась крохотная по дворцовым меркам комната для больших приемов. Бархатная, лучшего названия не подобрать — и материал, широкими лентами разных цветов протянувшийся от потолка до пола, соответствовал, да и сама комната была лишена углов.

— Женя, вот кстати ты пришел, — одобрительно поприветствовал, не поднимаясь с кресла, кряжистый старик. — А мы только тебя... вас ждем, — спохватился он, почувствовав

то, что ворвалось в комнату, старательно «прижимая» чужую волю к полу.

— Приветствую, — проигнорировав слова старика, обратился к присутствующим Евгений Александрович, не глядя ни на кого конкретно.

Кое-кто из собравшихся не уступал ему в Силе, некоторые превосходили, но проняло, пожалуй, всех. Говорят, встречают по одежке, но родовитые куда больше доверяют внутренним чувствам и интуиции. Сейчас, судя по взглядам, его встречали с опаской и невольным уважением. Единицы из молодых да глупых даже подняли щиты, но тут же смутились и убрали Силу обратно.

Внешне же компания была немногочисленной, но весьма представительной — около сорока глав княжеских семейств либо прибыли лично, либо направили наследников первой очереди. Впрочем, внешне первых сложно отличить от внешности вторых — если смотреть на лица. Труды Целителей помогали старикам выглядеть молодыми, молодым — украшать себя солидными морщинами (полезно для переговоров). Гораздо проще ориентироваться по шубам — наследникам неуместно носить меха.

Расположились господа на нескольких диванчиках, расставленных дугой подле изящного белоснежного рояля, ярким пятном приковавшего к себе взгляды. Если соотнести фамилии сидящих, получалось наглядное пособие по географии империи — соседи по землям предпочли сесть вместе, иногда даже несколько тесня друг друга. Тут и союзнические отношения, и общие вопросы, требующие неформального, личного обсуждения, да и вместе оно как-то надежней, безопасней и представительней, особенно супротив других княжеских диванов-анклавов. Разве что отдельный диван в самом центре отличался от других — эти князья объединились по причине теплых чувств к князю Долгорукому. Так как встречу организовал именно он, то, вероятно, посчитал не лишним иметь несколько во всем соглашающихся с ним голосов на удобной позиции.

Некоторым присутствующим из числа наследников диванов не досталось. Те от стены подтащили стулья поближе к роялю, поглядывая то друг на друга, то с одинаковым осуждением, присущим молодости, на стариков, то с любопытством на князя Долгорукого, единственного занявшего место прямо за роялем — по праву устроителя встречи. Долгорукий неведомо откуда притащил гигантское кресло, совершенно не подходящее к окружающему интерьеру. Эдакий трон — не меньше, но президиум он обозначал надежно, с грацией топора.

— Здравствуйте, князь, — первым вежливо поздоровался Долгорукий и даже встал с места. Впрочем, подходить ближе не стал — слишком ранг высок, даже по сравнению с остальными присутствующими снобами. — Вам удобно будет присесть?

— Разумеется, — принял его предложение Шуйский, погасив ироничную улыбку.

Насколько же сильно им не понравился вызов, если ему сейчас предложили выбор между стоянием на ногах и малоприятным продвижением через всю комнату за стулом — слуг в комнате не оказалось, диван ради него никто не освободил, а незанятые стулья будто нарочно оставили у самого дальнего края. Тоже указание места. Ну-ну.

Провернув еще один подаренный перстень на мизинце — на сей раз золотой, с зеленым камнем, Шуйский бросил его чуть позади, невозмутимо отреагировал на вспышку Силы и столь же невозмутимо дождался, когда из мрамора пола прорастет ледяной трон, свитый из ажурных прозрачно-синих линий скованной стихии, скинул на него шубу, оправил полы черного, с серебристым шитьем сюртука и с безмятежной улыбкой присел, поправив рукоять старинного на вид револьвера, выглядывающего из поясной кобуры.

В установившейся абсолютной тишине было слышно, как в ауре огненной Силы своего хозяина протаивает, шипя, ледяной трон, но тут же, движимый мощью артефакта, застывает вновь, украшая хрупкую конструкцию острыми ледяными клыками.

— Итак? — поинтересовался Шуйский.

Владельцы роскошных яхт, вызвавшие к себе недалекого провинциала, разглядывали всплывшую рядом с ними боевую подводную лодку. Разглядывали весьма нервно — князь изволил расположиться вроде как и сбоку от диванов, но за их спинами, оттого многим приходилось выкручивать себе шеи. Можно, конечно, и не выкручивать, но тогда пришлось бы мириться с источником гигантской и недоброй Силы, дышащей прямо в затылок, что не прибавляло настроения.

На благородных лицах то и дело отражалось возмущение, моментально сменявшееся опасливой задумчивостью — словно у посетителей океанариума с акулой, узнавших, что перед ними не бронированное стекло, а значит, теперь их безопасность целиком зависит от настроения зубастого экспоната. Потому как все их спокойствие основывалось на железобетонной уверенности, что от конфликта участников удержит гнев семьи императора... Но Шуйские ведь и без того в немилости?

Скрипнул один из диванов — Ветлицкие в лице их лидера демонстрировали характерную прямолинейность, разворачивая диван боком.

Впрочем, были и те, которые прочувствовали угрозу, сравнили со своими Силами, равнодушно хмыкнули — видали и сильнее! — и продолжили тихую беседу между собой, одновременно прислушиваясь к происходящему.

— Есть небольшие нюансы, касающиеся соревнования, предложенного уважаемыми Шуйскими, которые требуют совместного обсуждения, — вежливо улыбнулся Долгорукий. — Как вы знаете, наш, да еще многие другие лица весьма многочисленны, множество наших учеников заинтересовалось вашим вызовом... Особенно высказанным в такой оригинальной форме.

Шуйский чуть не скривился при всех — текст письма был действительно оригинальным.

— Больше сотни представителей десятков благородных родов хотели бы поучаствовать лично, но их печалит заявленный регламент на одну команду от школы, — продолжил Долгорукий и замер, предлагая Шуйскому предложить решение.

В самом деле, чтобы Долгорукие да просили... Этот точно не впечатлился демонстрацией Силы, но, к его чести, отнесся к приглашенному князю благожелательно. Действительно заинтересован в соревновании? Никаких каверз не будет? — ворохнулась слабая надежда. Если честно, Шуйский не ждал от встречи ничего хорошего и видел ее суть совсем иначе...

— От Шереметевых будут две команды или ни одной, — неприятно прогудели с дивана, да еще с такой чванливостью, будто их участие — великая милость, а отказ превратит соревнование в сельские побегушки.

— Нами задумывались соревнования с определенным лимитом участников... — Проигнорировав комментарий, Шуйский по-прежнему вел беседу только с князем Долгоруким. — Проработан план, определена территория. Полагаю, с вашим огромным опытом будет просто понять сложности увеличения масштабов мероприятия.

— Поэтому я пригласил вас приехать, — обратился Долгорукий ко всем присутствующим. — Я бы хотел воплотить эту замечательную идею сам и обустроить все

наилучшим образом, без ограничения числа участников.

Целый валун свалился с сердца Шуйского. Не передать, какое облегчение прокатилось по телу — с него хотят снять бездну проблем!

Беда соревнований вовсе не в их проведении и награде. Соревнования не проводили уже десятки лет из-за того, что раньше многие не стремились выиграть, а использовали формат под родовую месть. Дети ушли в лес, кто-то попал, допустим, в волчью ловушку, так кого винить? Организатора, разумеется. А то, что охотников в том лесочке уже сотню лет не было, — никого не интересовало...

— Относясь к вам с огромным уважением, — Евгений Александрович изобразил на лице задумчивость и не торопился с ответом, — полагаю, что вы действительно проведете все безупречно и на высочайшем уровне.

Долгорукий ободрающе улыбнулся.

— Тут и сравнивать нечего, — подали голос с дивана, демонстрируя, если судить по тону, чистое восхищение Долгорукими.

Ожили после первого впечатления, теперь отыгрываются. Тут никто снизу вверх смотреть не станет, не те люди. Но Евгению Александровичу было достаточно того, чтобы не смотрели сверху вниз.

— То есть вы не против? — Долгорукий бросил взгляд в сторону, и кое-кто закашлялся, проглотив не высказанный на этот раз комментарий.

— Однако наши приготовления, произведенное нами масштабное строительство, организация охраны... вы ведь понимаете? — словно сомневаясь, продолжил князь.

При этом у Шуйского не было сделано ровным счетом ни чер-та! Но если им что-то от него нужно, то он ни в жизни не отдаст это бесплатно. Поэтому в последующей речи Евгений Александрович разливался соловьем, описывая будущие дворцы спорта и величественные сооружения, численность охраны и привлеченных высокооплачиваемых специалистов, с холодком ужаса представляя, что все это придется экстренно построить, если он перегнет палку.

— О, разумеется! Я найду, чем все это вам компенсировать. Думаю, в обмен на столь шикарную идею я внесу за все ваши команды вступительный взнос.

— Взнос? — нейтральным голосом поинтересовался один из сидящих на стуле — сын Вельяминова, если Шуйский не ошибался.

— Скажу верно, что вы все не против, если организацию соревнования, его программу, географию и награды возьмет на себя клан Долгоруких? — Как и полагается, молодой человек был проигнорирован. Без «разрешите, будьте любезны, не соблаговолите, проявите милость» к Долгорукому мог обращаться только равный.

— Бесспорно... Это лучшее решение... Теперь порекомендую сыну поучаствовать... Становится интересно.... — доносилось на разные лады.

— Для наилучшего проведения и подогрева интереса участников, а также разумного ограничения числа команд я предлагаю ввести взносы для каждого участника. Справедливо, господа?

— Не имеем ничего против... разумеется, князь... победитель получает все, а?

— Для победителей приготовлена достойная награда, — дипломатично улыбнулся Долгорукий. — Рад вашему единодушию. Раз так, с завтрашнего дня всем, заинтересованным в участии, можно вносить по сто миллионов рублей за команду из пяти человек.

— Сколько?! — кашлянул один из представителей.

— У Вяземских кончились деньги? — иронично прищурился князь.

— Мы имеем ввиду, не будет ли этого мало? — нервно оправил воротник Вяземский. —

Труд настолько уважаемого всеми нами князя...

— Мы проводим соревнование на добровольных началах и вовсе не нуждаемся в вашей... помощи, — отмахнулся Долгорукий, будто говорил о грошах. — Мы планировали потратить взносы на благотворительность.

«Они крыши детских домов решили покрыть золотом? — меланхолично задался вопросом Шуйский. — Даже части присутствующих здесь придется занимать деньги, а если вспомнить о родах, где, кроме герба и гордости, нет ни гроша, то спрос на наличные вскоре изрядно возрастет. Надо будет под это дело занять десяток-другой полезных должников...»

Титул еще не означал богатства. В том числе княжеский — земли могли быть бедными, а хозяин, например, плохим управленцем. Хотя богатство тоже не означало, что можно вот так взять и вынуть сотню миллионов — есть ведь бюджет, планирование, фонды, да и редко кто держит суммы просто на счету, ведь деньги должны работать, кружась по миру в облике товаров.

— Но раз вы настаиваете, то давайте объединим ваше предложение и предложение господина Углицкого. Пусть взнос будет двести миллионов, и половина его отойдет роду победителя.

— Что?! — возмутились уже с диванчика.

— Вы сомневаетесь в победе? — делано изумился Шуйский, подначивая публику.

Теперь точно будут лезть в долги, но не отступят.

— Командам с ваших земель, князь, можно не перечислять взнос, — благожелательно кивнул Долгорукий.

— В самом деле, раз деньги все равно к нам вернутся, — согласился Евгений Александрович, вежливо раскланявшись.

— Да никогда Гагарины не уступали Шуйским!.. При всем уважении к вам, мой сын уже изволил участвовать в соревнованиях, так что незачем ссориться, ведь есть еще второе и третье места... Призовые деньги мы также отдадим на благотворительность, нам будет достаточно победы... — громом разразилось бурное обсуждение пополам с хвастовством, лестью и железной уверенностью в собственной исключительности.

И все это под практически ясно слышимый скрип извилин на тему «Кого отправить так, чтобы при поражении отбрехаться?».

— Господа. — Голос, пропитанный могуществом, ворвался в зал, вжав остальные звуки в бархат стен. Даже Шуйского проняло.

Его высочество цесаревич Сергей Дмитриевич поприветствовал всех милостивым наклоном головы, стоя в дверях под руку с ослепительно красивой рыжеволосой девушкой — его невестой германских кровей (правда, о помолвке не сообщалось официально, но резкий рост акций предприятий небольшого древнего семейства лучше имперского циркуляра говорил о свершившемся).

Позади сиятельной пары потерянно переминался с ноги на ногу мажордом, робко заглядывая в кабинет через раскрытую дверь — по церемониалу ему не полагалось входить раньше принца, объявлять о его прибытии он должен был, стоя чуть позади, но и после него зайти не удалось, ибо весь дверной проем и еще несколько метров за ним занимал подол лазурного платья невесты, удерживаемый за кончики четырьмя пажами.

— Ваше высочество, — уважительно произнес Долгорукий, поднявшись с места.

— Мы проходили мимо и случайно услышали вашу беседу, — продолжил Сергей Дмитриевич, с интересом глянул на ледяной трон и вновь посмотрел в сторону рояля. — Нас радует ваше начинание, князь.

«Опять, — с тоской пронеслось в голове у Шуйского. — Моя же идея! Хотя, черт, не моя...»

— Прощу, присядьте, нам, право, неудобно, — качнул принц рукой. — Ваша щедрость, господа, нами также отмечена. Но в нашем доме хозяину не пристало быть менее радушным, чем гостям. Посему, с разрешения уважаемого князя, — приподнял он на миллиметр бровь, словно испрашивая разрешение — и тут же получил легкий кивок, — мы желаем добавить к главному призу Истринское месторождение алюминиевых руд.

К принцу тут же прижалась невеста, что-то зашептала на ушко алыми устами.

— Прости, любимая, разумеется, — улыбнулся он ей. — А от имени моей прекрасной спутницы — разрешение на строительство гидроэлектростанции подле месторождения.

— Ваше высочество, а можно ли начать строительство завода уже сейчас, не откладывая? — изобразил озадаченность один из представителей. — Наш род хотел бы начать добычу на нашем месторождении как можно раньше.

— Что это вы, а?!

— Разумеется, мы выиграем, — отмахнулся тот. — Соревнования — формальность.

— Так, никакой углицкой рухляди на моем заводе не будет! — возмутился еще один князь. — Никто не строит лучше Палецких, и для себя мы все отстроим сами!

— Стройте, но гидрогенераторы — наши.

— О, вы слышали? У нас будут отличные гидрогенераторы! Хорошая новость для нашей станции. Завтра распоржусь протянуть туда железнодорожную ветку.

— ...свою электронику можете выкинуть на ту же свалку, где подобрали...

— ...ноги вашей не будет на моем месторождении! Этот хлам из прошлого века даже не подсовывайте, месите лучше бетон для моей станции...

Шуйский с оторопью наблюдал, как, будто с цепи сорвавшись, четыре десятка влиятельнейших людей в яростном споре строят пока еще виртуальные горно-обогачительный комбинат и ГЭС. Из лучших узлов и механизмов, разумеется, самых качественных и надежных, дорогостоящих и современных, тут же вписываемых князем Долгоруким на лист, лежащий на крышке рояля. Ибо присутствующие были абсолютно уверены, что все достанется им бесплатно, а значит, нет смысла лоббировать технику — свою или союзников, но гораздо разумней требовать с проигравших самое совершенное, что у них есть. Ведь все считают, что строят для себя, а значит, никто и не заикнется об оплате.

— А мы поставим для ГОКа мельничное оборудование, — брякнул князь, дабы не отставать от других.

На него тут же бросили десяток осуждающих взглядов, напомнив, что Шуйский вообще живет на реке, и порекомендовав снабдить *их* объект *его* системой АСУ и боевого охранения. Хамство! Хотя и приятно, что продукцию клана так высоко ценят.

— Еще у нас отличные беспилотники, — вырвалось у Шуйского раньше, чем он прикусил язык.

Это уже не деньги, а гораздо ценнее — технологии! По счастью, за предложение не успели хватиться.

— Господа, вы радуете нас, — вновь оглушительно, но одновременно тихо сказал принц, до того умиленно наблюдавший за сварой. — Мы выделим вам нашего человека, дабы

стройке никто не мог воспрепятствовать. Эти чиновники, вы ведь понимаете... — закатил он глаза, сетуя на собственную имперскую аристократию.

— А чем мы наградим детей? — озадаченно поинтересовался князь Долгорукий, наткнувшись на довольно забавную мысль — в самом деле, это все же *детское* соревнование, а назначенная награда достанется роду-победителю, обойдя стороной виновников торжества.

Нет, у Долгорукого есть чем их награждать, и дети точно останутся довольны. Но он обязан был намекнуть принцу, дабы не ставить того в неловкое положение по прошествии времени, — назначая награды, он позабыл о главном. Хотя прозвучало это по канонам вежливости как обращение ко всем.

— Билеты на новогодний имперский бал для первого и второго места, — опередил всех принц и тут же вслушался в слова своей спутницы.

Родители резко подобрались, оценив перспективу появления детей на главных смотринах империи и сопредельных стран.

— ...и ужин в кругу нашей семьи для команды-победителя.

Быть представленным императору в столь юном возрасте тоже стоило очень и очень немало — для будущего. А для рода — гигантский плюс к имиджу, возможность задать вопрос в неформальной обстановке, не опасаясь отповеди и гнева! Да даже просто присутствие за столом автоматически снимало опалу — и тут даже Шуйский задумался.

— Веселого вечера, господа, — откланялся принц, уводя свою прелесть из зала.

— Не слишком ли вы щедры, мой господин? — вновь прижалась та губами к уху избранника, стоило дверям закрыться.

— У страны появится новый поставщик высококачественного алюминия, дополнительная энергия, доходы от налогов, — чуть иронично ответил он. — И на все это империя не потратит ни единого гроша. Всех хлопот — просто поскучать за столом со страшно комплексующими школьниками...

Веревка захлестнула шею спящего столба и резко натянулась, судорожно дернувшись в руках. Эта сторона сада скрывалась в темноте — дремали широкие проемы окон за закрытыми веками штор, сонно шелестел яблоневый сад. Никого, кто мог бы помешать одинокой фигуре взлететь по веревке на четырехметровый забор и беззвучно спуститься вниз, прихватив веревку с собой. Несколько секунд абсолютной тишины и поиска нужного окна. В доме живут всего шестеро, потому отыскать жилые комнаты среди полутора десятков окон несложно — стекла вымыты, сквозь них проглядывают новые занавески, а в одном удачно приоткрыта форточка.

Веревка вновь взлетела, чтобы поймать своей петлей кирпичный завиток на крыше. И вновь тишина — не услышал ли кто? Сад дышал ароматом перезрелых яблок, и более — ни звука. Разве что доносилось еле слышное позвякивание посуды, но то — в другой части дома, в обширном холле, залитом светом. Тому, кому есть что скрывать, яркий свет противопоказан.

Осторожно проверить на вес: для начала — повиснуть рукой, оставаясь на земле, затем потянуть веревку двумя руками, и только после этого дать левой ноге оторваться от земли. Вот и все тело повисает в воздухе — крепление выбрано удачно. Начинается неспешное восхождение, руки подтягивают тело до уровня второго этажа — ровно настолько, чтобы заглянуть в темную комнату, затем еще выше, к раскрытой форточке. А затем — скользнуть головой вперед, ловко удержавшись от падения сначала за ручку окна, затем за подоконник. Согнуть руки, вытянуть ноги с улицы, скользнуть вбок, чтобы через мгновение оказаться уже на ногах и внутри. Можно позволить себе тихий выдох и законную гордость — никто не заметил.

— Максим, ты где пропадал?

Вот блин.

Из крошечной тьмы ближнего угла в сумрак перед окнами, словно древний вампир из сказок, шагнул домоправитель. Он был мрачен, с бледной кожей, одет в черный сюртук и зловеще тянул ко мне руки, явно нацелившись на шею.

— Вы сейчас так на директора нашего похожи, — доложил я ему доверительно.

Учитель сбился с шага, невольно оглядел себя и переместил руки на пояс, нависнув надо мной всей фигурой.

— А сейчас на завуча.

За наблюдательность я был оглажен тугой волной воздуха, пролетевшей над затылком.

Щелкнул выключатель настольной лампы, окрашивая серое теплым светло-желтым светом. Вот и сюртук стал вовсе не черным, а темно-синим, а белая кожа наставника обрела привычный здоровый цвет. Только все так же лежали серые тени под глазами, с тревожной заботой смотревшими на меня. Отчего-то стало нестерпимо стыдно, куда сильнее, чем перед Русланом Артемьевичем.

— А вам, наверное, уже из школы все сообщили, да?

Учитель коротко кивнул, выдвинул стул и присел, облокотившись о спинку.

— Я ведь просил, звони мне, если что-то случится. Советуйся перед тем, как что-то делать, — прозвучал голос, полный укоризны, но без капли обвинения или злости.

— Так я звонил, только абонент выключен или вне зоны, — дернул я плечом.

Старик нахмурился и выудил из внутреннего кармана серый прямоугольник телефона. С досадой понажимал на клавиши, пытаясь пробудить его к жизни, потряс, хлопнул по коленке, потряс еще и чуть виновато констатировал:

— Сломался.

— Вот! — взбодрился я. — Да все будет хорошо.

— Что хорошо?! «Приходи. Будем драться. Лучший победит. Учись рыдать». Что за диалект мумба-юмба?!!

— Зато ни одной запятой!

— Как ты мог подписать *это* княжеской подписью?!

— Да кто знал, что она там будет! — с жаром отстаивал я свою позицию. — Я хотел просто написать «Император», а тут эта табличка вылезла.

— О-о-о, так нам еще повезло! — схватился учитель за голову.

— Ну... Виноват, да, — запнувшись, пригорюнился я.

— Виноват, — припечатал старик ладонью по коленке. — И княжий гнев на семью навлек. И с Пашей своим никогда больше не помиришься.

— Это почему?

— Потому что станешь причиной его поражения, — покачал он головой. — Нет для дружбы вещи хуже.

— Да выиграем, — взбодрился я. — Там всего-то маленькое соревнование будет...

— Маленькое соревнование, — передразнил старик. — Нет больше никакого «маленького соревнования»! Мне тут уже сообщили... коллеги-учителя... — отчего-то смутился он. — Со старого места работы. Хм. Так вот, соревнования переведены на всеимперский уровень, без ограничения на участие! С таким призовым фондом, что тебе представить сложно!

— Сколько кубических метров денег?

— А? — замолчал наставник и чуть удивленно посмотрел на меня.

— Ну, какую тележку с собой брать, — пояснил я терпеливо.

— Максим, такие соревнования невозможно выиграть, — в тон мне произнес старик. — Ты умный и хороший мальчик, но шансов нет. Вообще. Так теперь спроси себя — к чему привели твои поступки? Может, стоит очень сильно подумать, перед тем как делать? Стоит думать перед тем, как бить? Думать перед каждым решением в своей жизни? Особенно когда твои поступки могут ударить по семье?

— Отец сильно расстроился, да? — после длинной покаянной паузы робко спросил я.

— Очень, — немилосердно жестко прозвучал ответ. — На твою радость, князь очень хорошо относится к вашей семье. Удивительно хорошо. Иначе бы... Ты себе и представить не можешь... — потухшим голосом завершил он.

И за этим «представить не можешь» таились настолько безрадостные картины, сами собой мелькнувшие перед глазами, что на мгновение проморозило все внутри.

— Я их там... шоколадным тортом обкормил... Так что, может, еще убежишь от ремня... — легкой улыбкой подбодрил старик. — Но лучше не бегай.

— Эх, — поделился я эмоциями с темным вечером за окном, раскрыл ставни и принялся сматывать веревку.

Резко раскрылась дверь, и вместе со сквозняком внутрь вошел отец, пропустив вперед сестер и чуть погрузневшее пузо.

— Я услышал голос... — начал он, глядя на учителя, потом заметил мой силуэт на

фоне окна и гораздо строже произнес: — Максим!

Отец схватился за пряжку ремня и дважды попытался вывернуть ее из-под пресса живота.

— Ладно, потом, — задумчиво произнес он и вновь посмотрел на меня.

— Извините меня, пожалуйста, — потерянно сказал я, продолжая сматывать веревку.

— Максим, не надо! — сорвался голос отца, а руки отчего-то протянулись в мою сторону.

— Да нет, надо. Я очень перед вами виноват, — настаивал я на извинениях, дергая канат и пытаюсь скинуть его с зацепа на крыше.

— И вовсе не виноват, — занервничал папа. — Да ведь, девочки?

— Ага! — пискнули хором Тоня с Катей.

— Я сильно вас подвел, — покачал я головой.

— Максим, давай обсудим это позже, — сглотнул отец. — А пока убери веревку, очень тебя прошу.

— А? — удивился я, глядя на моток каната, кольцом свитого у меня на руках. Рядом зеркалил удивлением учитель. — Да нет, это не то, что вы подумали. Я по ней в окно залез.

Верхняя петля наконец-таки слетела с крепления.

— Уф, — выдохнул Михаил и чуть присел, упершись ладонями в колени. — Не делай так больше.

— Не стану, — гарантировал я, будучи уверенным в своих словах. — Больше никогда не стану писать письма под чужим именем.

— И это правильно.

— И никто не сможет написать, — решительно кивнул я.

— Ну, за остальных мы не в ответе. Если у них там такой бардак с электронной подписью...

— В ответе, не в ответе, но я на всякий случай флешку с собой забрал. — Примерившись к мотку веревки и пространству небольшой комнаты, я все же решил выкинуть ее в темноту сада.

— Ай! — тут же крикнула темнота голосом Федора.

— Он там что делает? — тревожно перегнулся я через подоконник.

— Это чтобы ты не сбежал, — виновато подсказала Тоня.

— М-максим!!! — взревели два голоса за спиной.

Резко захотелось яблок. А там еще Федор в беде, так что я мигом прыгнул вниз, приземлившись на ноги, прыжком достиг места падения веревки и нашел Федора под ней.

— Да я сам выберусь, — заверил меня брат и огладил живот. — Но потом. Там торт такой вкусный, я тебе кусок оставил, — доверительно шепнул он.

Но веревку я все-таки снял и положил ее Федору и себе под головы. Потому что над нами была красивая звездная ночь, и совершенно расхотелось куда-то убегать, даже от двух ярящихся в окне старших, то требующих телефоны (у учителя не работал, а папа оставил в гостиную), то велящих немедленно вернуть флешку, то хором обещающих лишить здоровья. Но и они довольно быстро утихли, заинтересовавшись нашим молчанием.

— Максим, Федор, у вас все хорошо?

— Не очень, — ответил я правду.

— Что с Федором? Что-нибудь нужно?!

— Воды, — простонал Федор.

— Сейчас, одну секунду!

— И еще торта... — совсем жалобно продолжил брат.

— Уже несусу... Что?!

— Ну, я пойду, наверное, — сказал я звездам и Федору.

Попытался встать и от сильнейшей вспышки боли тут же рухнул на землю.

— Кажется, ногу подвернул, — сплюнул кусочек травы, подмигнул испуганному брату, попытался встать снова и потерял сознание.

Ветер промораживал комнату сквозь распахнутые ставни, оглаживал выцветшие шторы, скрипел старой рамой с облупившейся краской. Он был тут хозяином, а вовсе не два человека, замерших подле окна друг за другом и слепо вглядывающихся в закатные очертания порта. Ветер ругался на незваных гостей, шипел им в уши, выталкивал своими порывами, дергал за рукава костюма и платья, летел мимо, от ярости завывал в коридоре за приоткрытой дверью и вновь принимался обходить углую комнатку, дотрагиваясь до всего вокруг. Это все его! Десять лет его!

— Десять лет назад мир казался больше, — почти беззвучно шепнула девушка.

Она пришла в эту комнату первой, ради одиночества, тишины и памяти.

— Мир слишком мал, чтобы сбежать от себя, — откликнулся мужчина за ее плечами.

Он вошел на пятнадцать минут позже, ради встречи, беседы и общей памяти.

— От вас тоже не сбежать.

— А я думал, это было приглашение. Ты ведь знаешь, что за домом следят.

— Почему я должна это знать? — с тихой яростью развернулась Светлана, тускло блеснув сине-серой полоской лезвия в левой руке.

— Потому что мы обещали сохранить твой дом в целости, — спокойно отреагировал мужчина, не отходя ни на шаг. — Десять лет назад.

— Здание скоро развалится, — отвернулась она к окну, пряча до поры лезвие в длинном рукаве платья. — Хорошо же вы следили.

— Оно такое же, как и было. Его хотели отремонтировать, но тогда бы оно стало лучше. Хотели снести, но мы не дали. Твой дом стоит, твоя комната в том же виде, с распахнутым тобою же окном. А над временем мы не властны. Никто не властен.

— Очень жаль, — тихо шепнула она. — Я бы хотела вернуться на десять лет назад...

— И ударить того заблудившегося мальчишку кирпичом по виску? — заинтересовался Руслан.

— Нет! Просто обойти стороной!

— Вряд ли получилось бы, — скептически хмыкнул мужчина. — Он ведь тебя уже заметил, такую продрогшую и голодную. Все равно попытался бы накормить.

— Тогда не встречаться с ним никогда! — Она повернулась всем корпусом и с вызовом посмотрела ему в глаза.

— Свобода манит сытых и обеспеченных, — не согласился Руслан. — Десять лет назад ты узнала, что можно не убивать ради еды.

— А затем делала то же самое...

— Был ли это чужой выбор?

— Да! — вместе с ответом взвыл ветер на улице.

— Мой отец предлагал многое доброй девочке, проводившей заблудившегося мальчика домой.

— Но у девочки был дар!

— Верно, — не стал спорить Руслан. — Потому все ограничилось предложением службы роду и клану.

Светлана вздернула голову, готовясь бросить сквозь зубы что-то резкое, но собеседник успел быстрее.

— Вместо того чтобы вернуть домой, к твоим родителям, с подарками, как было бы по закону... К тем, кто числился твоими родителями...

Девушка дернулась и, до крови закусив щеку, отвела взгляд.

— Кажется, ты этого не хотела. Тогда, десять лет назад? Ты была рада службе, рада обменять свободу на сытость и тепло.

— Но я не знала! — заупрямилась она, пытаюсь побороть взглядом чужую волю.

Но куда там — не вышло десять лет назад выступить против мальчишки с серьезным и заботливым взглядом. Не вышло и сейчас. И взгляд... Он не изменился...

— Знала, — мягко погасил вспышку Руслан. — И в тот вечер, на пороге сияющей, лучшей жизни, была готова уничтожить любого, кто встал бы на твоём пути. И после, когда тебе подарили сережки, а ты спрятала их под подушку, а сама легла спать с портняжным шилом в руке. И затем, когда кружила в платье перед зеркалом, не забыв закрепить нож за поясом.

— Да любой бы!..

— А затем наш психолог два часа беседовал с тобой, перед тем как передать старшему коллеге.

— Не было никаких психологов!

— Тетя Руня, медсестра. А потом и доктор Павел Аркадьевич. Мы не принимаем решения просто так. Для постройки дома нужен надежный фундамент, иначе все рано или поздно рухнет под собственной тяжестью.

— Я сломалась...

— Устала, — не согласился Руслан. — Как этот дом. От времени, от холода и одиночества внутри.

— Пора сносить? — грустно улыбнулась Света.

— Как можно? Такого важного и крайне высококлассного специалиста! — тоном своего дяди ответил Руслан.

Светлана побледнела.

— Шутка, — подмигнул он. — Есть вариант получше. И... мы, конечно, не властны над временем. Но отправить тебя на десять лет назад, пожалуй, сможем.

Девушка нахмурилась, пытаясь прочесть мысли чуть повеселевшего мужчины.

— Тринадцать лет, симпатичная школьная форма, косички. Волосы, думаю, оставим твои, — задумчиво оглядел он ее макушку. — Они у тебя красивые, недаром ему понравились.

Светлана посмурнела еще сильнее, сжала руки в кулаки.

— Ну а главное — свобода. — Откровенно скалясь, Руслан мечтательно растянул фразу. — Полная свобода с возвратом всех клятв.

Девушка дернулась и совершенно ошарашенно посмотрела ему в глаза.

— Наше слово, — резко посерьезнев, подтвердил мужчина.

— К-кого я должна для этого... исполнить? — сглотнув, пересохшим голосом спросила она.

— Нет-нет, убийство лишает свободы. Чтобы ее вернуть, придется дружить. Только так.

— А?..

— С одним нашим учеником.

— Готовите в этой вашей милой школе очередного головореза? — взяла себя в руки Света, хмыкнув от узнаваемости мотивов.

— Вообще-то нет, — назло ей вновь заулыбался Руслан. — Но одному мальчику в восьмом классе очень не хватает соседки по парте. И настоящего друга, который оберегал бы от каверз и необдуманных поступков. Так что пойдешь на три года в школу, снова за парту. Разумеется, новые документы, железобетонная личность от самых яслей и все такое. А потом — свобода. Честно. Без оговорок.

— Н-но...

— Князь выделяет личного Целителя в ранге «мастера». Будешь девочкой-конфеткой. Веснушки хочешь?

— Вот еще, — фыркнула, скрывая радость и надежду, Светлана. — Три года? И всего-то? Погоди... А в чем подвох?

— Да нет никакого подвоха, — оставаясь спокойным, Руслан допустил-таки некоторую суетливость.

— А у тебя глаз дергается.

— А у тебя бы не дергался после того, что он натворил! — вырвался у него вопль отчаяния.

— Кто он? — жестко хлестнул вопрос.

— Мальчик. Перспективный.

— Р-руслан!

— Вы знакомы. Его зовут Максим.

— Сразу нет, — отшатнулась девушка.

Руки невольно покрылись зябкими мурашками, а из памяти на мгновение выплыло *это*. Волна паники хлестнула из глубин души, смешивая причины и доводы, оставляя желание бежать и прятаться.

Десять лет назад она не первый раз вышла на ночной промысел. Не первый год занималась этим. Тогда, за годы, о которых не знает и не узнает никто и никогда, из страха и интуиции выкристаллизовалось понимание, взлелеянное умение, не раз спасавшее жизнь маленькой девочке, а затем — девушке, женщине. Умение, которое позволяло определить опасность человека — и не важно, как он выглядел, простым ли забулдыгой в потрепанном плаще... под которым могли быть погоны и оружие, или стариком с плохонькой тросточкой... ручка которой легко выскальзывала вместе с трехгранным клинком — оружием хозяев ночной гильдии. Все ее тело пробирал страх — от легкого мандража до крупной дрожи, стоило вставить опасную личность в криминальные планы. Позже она научилась преодолевать это чувство, доказывая себе с помощью скальпеля и ланцета, что перед ней всего лишь мясо, закрепленное на костях...

Маленький милый мальчик, так невозмутимо взявший ее под руку, казался таковым ровно до той секунды, когда она от удивления такой шустростью привычно попыталась применить к нему свое умение. Из комнаты Максим выводил ее безвольной от первобытного ужаса, немой от страха, с мольбой цепляющейся за удивленные взгляды присутствующих. *Он* шутил — она смеялась, потому что *он* хотел, чтобы она смеялась, и так было *безопасно*. *Он* вел — и она безропотно распахивала перед ним режимные, запароленные двери закрытого

крыла. И сбежала, как только появилась такая возможность, — сначала в другую часть здания, а потом на самый край страны. От одной мысли, что *его* можно тронуть, хотелось обнять колени и взвыть от безнадежности. Даже с князем она не испытывала таких чувств, хотя, казалось бы, боялась больше всего на свете... А сейчас ее пытались вернуть к нему.

Они просто не знают, кого опять подобрали с улицы. Этот вид не поддается дрессировке.

— Света? — обеспокоенно спросил Руслан и потянулся, чтобы придержать девушку за плечи.

С визгом схлопнулся воздух, рождая «воздушную линзу» на его пути, решетом хлестнула кирпичная кладка под мощью материализовавшейся стихии, возжелавшей занять ее место.

Руслан хладнокровно глянул на куски ржаво-красной шрапнели, плившей в киселе индивидуального щита, и снял защиту.

— Светлана, я жду решения.

Но три года и свобода — пробилась сквозь панику мысль о манящем призе. Всего три года... Он пока юн и неопасен. Не знает, зачем нужны девушки. Не знает своих возможностей. И ведь совсем не обязательно желать ему зла? Стать подругой... Нет! Нет! НЕТ! Три года — и убежать. Свобода... Новые документы... Свобода...

— Я согласна, — убрав щит и разгладив платье, уже через мгновение Светлана выглядела невозмутимо царственно, хотя и вложила в голос солидную толику одолжения и сомнений.

Руслан намек понял и предпочел не задавать крутившийся на языке вопрос: «Что это было?» А Светлана в качестве благодарности не стала торговаться. Так бывает у людей, знающих друг друга десять лет — для вопросов и ответов не нужны слова.

— А та кафешка, она еще работает? — понимающе кивнув, спросил Руслан и вновь нацепил маску жизнерадостного школьного завуча.

— Ага. Даже название такое же.

— Сходим? — заинтересовался мужчина, предлагая руку спутнице.

— Хорошо, но на этот раз плачу я. Долги надо отдавать, — улыбнулась она.

— О-о! Тогда я требую ту самую тройную порцию пюре, как у тебя!

— И четыре котлеты!

— А знаешь, вы сработаетесь, — умильно тронул Руслан пальцем краешек глаза.

Светлана загадочно улыбнулась и быстрым шагом первой вышла из комнаты.

— Это наш человек, все об этом знают, — грянуло утверждение, призывая в свидетели деревья с пожелтевшей листвой и безлюдный пригорок.

В упрямо нахмуренных лицах, в угрожающе расправленных лопатках и плечах, натягивающих ткань хорошо сшитых черных костюмов, читалась уверенность и желание подтвердить свои слова другими словами, сказанными еще громче, а если не хватит и их, то силой и жестокостью.

— Я не заключал такого соглашения. — лениво, с тщательно скрытой усмешкой прозвучало в ответ.

Острые стрелки бежевых брюк насмешливо дрогнули от расслабленного движения левой руки, чуть отставившей в сторону гнутую рукоять позолоченной трости.

— Это было до тебя! — взял слово второй из двух нахмуренных парней.

— Но теперь я здесь. — Свободная рука небрежно обозначила полукруг. — И со мной вы не договаривались.

— А мы с тобой договариваться и не должны! Мы договорились с ним! — последовал резкий указующий жест в сторону высококлассного специалиста, безмолвно и безропотно наблюдавшего за происходящим через массивную оправу очков и прижимавшего к груди объемистый чехол.

— Ты им что-то должен? — Конец трости указал на специалиста.

Тот замешкался, но затем отрицательно мотнул головой.

— Он вам ничего не должен, — последовала светлая улыбка. — Так не пора ли вам удалиться?

— Да не важно, что он там думает! — гаркнули парни, демонстративно потирая кулаки.

— Важно то, что думаю я. — Трость заняла свое место, и на нее легли обе ладони. — Теперь это мой человек, и с ним буду работать только я.

— Да ты кто такой! — дернулся вперед первый парень, посчитав, что время слов прошло.

Трость резко выстрелила по мениску нападавшего, тут же была перехвачена посередине и резко притянута вместе с врагом, пойманным за шею дугой рукояти.

— Стоять! — Другая рука взлетела в останавливающем жесте навстречу второму ринувшемуся вперед собеседнику.

Но в прозвучавшей команде оказалось достаточно воли, чтобы тот замер, словно наткнувшись на стену, и с запоздалым испугом посмотрел на товарища, стоявшего на коленках и под неудобным углом смотревшего снизу вверх.

— Я тот, кто решает здесь все, — с холодной жестокостью был дан ответ. — Даже то, как ты будешь дышать.

— Да пошел ты! — дернулся пленник трости, пытаясь взмахнуть рукой, но тут же скривился от боли в шее.

— Вдох, выдох, вдох, выдох, — спокойный тон озвучивал движения кадыка.

Парень ожесточенно задышал, пытаясь поспорить с указами противника, но куда там — слова коротки, надо запоздать, сбиться. Тогда он решил проявить волю и не позволил свершиться новому выдоху, с вызовом глядя на соперника, озвучившего новый приказ. Прошла минута, кожа покраснела. Еще тридцать секунд, и он с шипением выпустил остатки

воздуха.

— Ну же, я разрешаю тебе вдохнуть, — ободряюще предложили ему.

Парень не выдержал и с жадностью сделал вдох. Тут же трость отпустила шею, и он смог рухнуть на выставленные вперед руки, опираясь о сырую сентябрьскую землю.

— Дыши и не трогай мое. — Последовал хлопок тростью по плечу и обращение ко второму. — Забирай его.

Тот дрогнул, отходя от неведомо из-за чего наступившего ступора, настороженным полушагом приблизился, не сводя взгляда с бежевого костюма и уголка выглядывающей из-под пиджака белоснежной сорочки, помог товарищу подняться и быстрым шагом повел его к выходу из парка, оглянувшись только единожды, перед крутым поворотом.

— Ты как, все в порядке? — спросил я Артема, признанного специалиста по математике восьмого «А», как-то странно поглядывавшего на меня с нижнего яруса веток разлапистого дуба — не того же самого, но тоже вполне подходящего для восхождения и обороны от тех, кто ползет следом.

— Ага, — ответил он, спрыгивая на землю. — Только у меня портфель в классе. С собой вот — скрипка только, — шмыгнул он носом, очищая чехол от сора и пыли.

— А зачем портфель? — удивился я.

— Ну ты математику списывать будешь?

— А? Нет, — отмахнулся я и оперся о трость, оберегая левую ногу.

Вчерашний прыжок закончился небольшим переломом, не замеченным в момент удара о землю. Вот когда я попытался встать, тогда и почувствовал, да так, что после второй попытки пришел в сознание уже в гостинной, с обрезанными до шорт брюками и закрепленным на левой ноге самодельным биндажом из косяка входной двери. Имелись вроде другие подходящие палки, но учитель отчего-то решил, что лучше позаимствовать именно эту деталь. Зато, когда приехали доктора, было уже открыто. Ничего страшного, заживет.

А еще мне одолжили трость — я с гордостью посмотрел на золоченую рукоять и лакированное основание. Правда, очень просили вернуть в целости, потому что это заготовка под новый папин заказ. А еще просили не направлять в трость Силу и не нажимать на... Но тут учитель сделал страшные глаза, а папа Миша осекся и расхотел рассказывать, на что именно нельзя нажимать. Ничего, потом выясню. Интересно ведь!

— Тогда зачем ты все это сделал? — всерьез удивился Артем.

— Не надо было? — поднял я бровь и тихонечко зашагал к выходу.

— Да меня не расстраивает особо, — пожал он плечами. — Пусть списывают. Вот только тетрадки при этом мнут.

— И желудями кидаются?

— Я в них тоже кидал. — Артем гордо приосанился. — И попадал чаще!

— Понятно, — скептически глянув, я вновь перенес вес на трость.

— Так... зачем? — лучась вежливым любопытством, повторил он вопрос.

— Мне в команду на соревнования человек нужен. Вот, хотел тебя спросить, сказали — ты в парк ушел, репетировать.

Большая перемена все-таки — многое можно успеть. Я два класса успел обойти со своим предложением, только вот не соглашался никто.

— Так у тебя же нога. — Он указал взглядом на негнущуюся и загипсованную конечность под штаниной.

— Заживет максимум за месяц, — отмахнулся я. — Дело знакомое.

— Ломал уже раньше? — с интересом уточнил Артем.

— Ага. Только не себе.

— О...

— Но сроки от этого не меняются. Так что — месяц, успеваем. Ты с нами?

— Знаешь, я... не сильно люблю соревнования.

— Да там ничего делать не нужно будет, — принялся я убеждать его. — Мне просто надо собрать необходимое количество участников.

— Все равно вряд ли, — честно признался математик. — А кто в команде?

— Федор из второго «Б» и я. С тобой будет четверо.

— Э-э...

— Еще одно место в резерве, — солидно сообщил ему. — Так что находим пятого — и можно записываться.

— Второклассник, хромой и скрипач, — тихо пробормотал Артем.

— О, так ты с нами? — воодушевился я.

— Я пока прикидываю, кто будет четвертым в ряду. И, кажется, вряд ли сегодня усну из-за этого...

— Нормальная соберется команда, не хуже этих, — мотнул я головой в сторону проглядывающего сквозь листву корпуса школы.

— Не хуже пятерых одиннадцатиклассников с рангом «ветеран»? — чуть иронично наклонил он голову.

— А там можно будет применять Силу? — заинтересовался я.

— Папа говорит, что нельзя, со всех возьмут слово. Но еще он сказал, что сложно запретить собаке кусаться.

— Это да. — Я украдкой потер ягодицу. — Но у нас будет другой козырь! Во-первых, твоя снайперская винтовка.

— Э-э... — обескураженно посмотрел на меня товарищ.

— Да ладно тебе, все мы фильмы смотрим. Но считай, что я ничего не говорил, — подмигнул ему.

— Там скрипка! — возмущенно воскликнул Артем.

— Как скажешь, напарник.

— Я серьезно! Показать? — Он нацелился расстегнуть застёжки на чехле.

— А дашь пострелять?

— Нет!

— Тогда не надо.

— *Потому что там скрипка!* — тряхнул он чехлом.

— То есть первым делом мы выведем противника из себя. Это первый козырь.

— А? — Ярость на лице сменилась недоумением. — То есть...

— А второй наш козырь — несчастный случай, — не дослушал я его, заметив тех самых двух парней, решительно шагающих прямо ко мне.

Даже пиджаки скинули, рукава закатали, а один из них обзавелся сучковатой палкой в метр длиной.

— За реваншем, похоже, — заприметив их, сглотнул Артем и прижал к себе чехол, желая уберечь скрипку от грядущих событий.

— И мы делаем так. — Я резким жестом выпрямил руку, выпуская трость из ладони.

Тяжелая, отлично сбалансированная, она сделала всего два оборота до того, как врезать

двум мстителям по лбу.

— Э-т-то ты к-как... у-удачно, — после паузы в десять секунд вымолвил мой напарник, глядя на лежащие на земле тела.

— Это не я, — поучительно поднял палец. — Это — несчастный случай.

— Несчастный? — нерешительно повторил он.

— Но ведь явно не счастливый, верно?

— Д-да. Но они ведь знают, что это мы?

— Если правильно ударить палкой по голове — не вспомнят. Рекомендация специалиста, — веско поднял я палец. — Так что — несчастный случай. И, будь так добр, принеси трость, — чуть виновато показал я на свои ноги. — Без нее ходить сложно.

— А есть третий козырь? — спросил Артем, оглядев соперников и подняв тросточку.

— Разумеется, есть! Но его я открою только своей команде.

Приятель хмыкнул и не торопясь подошел, серьезно о чем-то раздумывая.

— Ладно, если вас запишут, считай, я с вами, — решительно обратился он ко мне. — Что за козырь?

— Бранд.

— Бранд? — поднял он брови.

— Бранд, — солидно подтвердил я.

— А кто... кто такой Бранд?

— Боевой робот аннигилятор номер два.

— А-а... — округлил он глаза и с неподдельным интересом уточнил: — А что с первым?

— Инвестор заморозил финансирование. — И я поправил я бабочку на белоснежной сорочке.

— Да ну? — блеснуло сомнение в линзах очков.

— Папа не дает алмазы, — повторил я фразу и вздох Федора.

— Мне папа тоже не дал бы алмазы, — признался Артем.

— А в сережках сестер только рубины.

— И сережки не дали бы.

— Ну мы их потом вернем, — пробормотал я еле слышно и тут же повысил голос: — Извини, дела. Спасибо! Удачи!

И заковылял в сторону корпуса, но не к входу, а к левому крылу, где, как рассказывали на вводном уроке, крепились самоспасы — это такие лебедки на самой крыше, веревки которых тянулись возле окон до уровня второго этажа, на случай «пожара, эвакуации или еще какой-то беды». «Еще какая-то беда» случилась лично со мной.

Перехватив трость, с интересом глянул на самый верх, рассматривая угловатые выступы распределительного устройства. А затем — на свою ладонь, где уже сияла ярким светом любопытства моя «искра».

— Должен же там быть обратный режим? — поделился я с ней догадкой, и та, воодушевленно мигнув, отправилась это выяснять.

Механизм глуховато зажужжал с высоты и размотал пару метров каната на землю.

— Хм, — еще одна искра взлетела ввысь.

На этот раз лебедка замотала канаты в нужном направлении, вроде и неспешно, но в целом достаточно шустро — только и успел поставить ногу в самодельную петлю.

— Бонжур, — поздоровался я с классом французского на втором этаже и медленно

поехал на третий.

— Та-ак, — узнал знакомые очертания кабинета директора и с довольством констатировал: — Вроде никого.

Новая искра отправилась останавливать самоспасы. Вышло не совсем удачно — сверху что-то хлопнуло, дыхнуло гарью, прямо как на том корабельном насосе. Зато веревка остановилась.

Чуть приоткрытая форточка легко распахнулась, а там — подцепить ручку тростью и раскрыть большое окно — совсем не проблема. Осторожно шагнув с подоконника на ковер, подкрался к системному блоку секретаря и вставил злополучную флешку на прежнее место. Все-таки обещал — и на душе сразу стало легче. Прямо как вчера, когда после обещания медработник спрятал шприц обратно, в устрашающего вида чемодан.

Недобро хрустнул замок двери за спиной, будто бульдог раздробленной костью предыдущей жертвы. Спрятаться!

— Максим? — дыхнуло удивлением.

Негнущаяся нога, не совсем вписавшаяся в габариты мебели, предательски выглядывала из шкафа.

— О, а говорили — «Нарния», — вышел я из шкафа, с возмущением оглядел кабинет и вернулся обратно в шкаф — на этот раз целиком.

— Ма-акси-им! — глухо прозвучал рык через добротные дубовые стенки.

— А вот обратно — не работает, — цокнул я, выходя. — Можно воспользоваться вашей дверью?

— Нет!

— Тогда я на геометрию, — примерился к открытому окну.

— Стоять! Ты что тут делаешь?

— Да я вот, — замялся, не зная, с чего начать. — А вам не кажется, что что-то горит?

— Максим!

— Я по поводу той цифровой подписи, — смущенно указал на чуть выдвинутый из-под стола системный блок с флешкой.

Кажется, я впервые увидел, как волосы встают дыбом. Руслан замер на долгие две секунды, ринулся к шкафу возле стола директора, распахнул его и буквально вбил ключ в небольшой сейф, занимавший все пространство одной из полок. Взболтал там все рукой и ошарашенно обернулся, прижав ладони к шкафу и как-то странно глядя на меня. Очень захотелось кушать — не к добру.

— Я подумал, что ее может кто-то украсть... — привел довод в свое оправдание.

— И спер сам.

— Если вещь может украсть плохой человек, то хороший должен сделать это первым! — поучительно поднял я палец. — Чтобы отдать потом, конечно.

Руслан резко шагнул в мою сторону, да так, что я аж зажмурился. А когда открыл глаза, он уже выудил флешку и методично разламывал ее в руках. Железо! Руками! Тоже так хоч.

— Подпись скомпрометирована, так что была отозвана днем раньше, — сухим и спокойным голосом, совсем не вязавшимся с действиями, сказал он. — Но что вернул — молодец. Только в следующий раз просто отдай мне в руки, не надо лезть в окно.

— Хорошо, — замороженно качнул я головой, удивляясь несоответствию в поведении и совсем не зная, чего ожидать.

— Ты ведь понимаешь, что все это, — указал он на раскрошенные обломки железа и

пластика на ковре, — просто так тебе не пройдет?

— Да, — понурился я.

— Сейчас ты дашь мне обещание, что будешь во всем слушаться свою новую соседку по парте.

— Мм, а...

— Никаких возражений слушать не желаю! — категорично махнул он рукой.

— Обещаю, что буду прислушиваться, — вздохнул я.

— Надеюсь, ты осознаешь, что это твой последний шанс... проявить разум. — Руслан смотрел исподлобья, скатывая в горошину то, что осталось от носителя информации.

— Да...

— Иди.

— До свидания!

— Через дверь иди.

— Ладно...

Как-то неловко все вышло...

— Максим, — задержал меня голос на пороге, — насчет соревнований...

Я обернулся и вопросительно посмотрел на него.

— Не переживай сильно. Если все пройдет успешно, в следующем году поучаствуешь. — Чуть виновато посмотрел он на меня.

И обломки куда-то подевались с ковра. Будто и не было ничего...

— У меня планы на этот год, — расправил я плечи.

— А как же нога?

— Как раз заживет, — уверенно хлопнул я тростью по носку ботинка. — Месяц до полигона.

— Там новый регламент на первом этаже вывесили. Первый этап соревнований через неделю. Танцы.

— Хм, — посмотрел я на ногу. — Ладно.

— Ладно? — вскинулся он. — А как же гипс?

— Есть варианты, — пожал я плечами. — Скажем, если у всех будет гипс...

— Максим!

— Я просто предположил! Да не переживайте, выиграем. Я ведь не один буду.

Не мне же все на себе тащить! Приз — он на всех рассчитан. Интересно, а какой он? Хотя ведь не в нем дело — главное с Пашей помириться.

— Кхм, — закашлялся Руслан чуть смущенно. — Понимаешь, там не только это нововведение. Я просто думал, что хватит и первого.

— Вы не хотите, чтобы я участвовал? — догадался и как-то разом погрузнел.

— Участвуй, конечно! — вскинулся он. — Просто... Вторая причина... она гораздо болезненнее. Стоимость регистрации каждой команды — двести миллионов...

— Я слышал, для княжества сделали исключение? — уточнил холодно.

— Верно, с нас не возьмут ничего. Поэтому мы берем залог в двести миллионов с каждого участника. С возвратом, разумеется.

— Н-но... зачем? — искренне воскликнул я.

— Вот когда ты устраиваешь игру, ты ведь сам выбираешь, с кем тебе будет интересно? Тут то же самое. Организаторы хотят играть с теми, у кого есть двести миллионов, — развел он руками. — Нам сделали непрозрачный намек, что будет невежливо нарушать финансовый

ценз.

— Да какая разница, сколько у человека денег? — возмутился я.

— Деньги равны связям, военной мощи, возможности мстить и отстаивать свои права.

Это сделано для того, чтобы участники не смотрели на команды нашего княжества сверху вниз и не позволяли себе подлости по отношению к ним.

— То есть надо двести миллионов? — отбросив ненужные подробности, подвел я черту.

— Увы. Думаю, в следующем году условия станут помягче, — успокаивающе произнес он.

— И если они будут, то вы обещаете записать меня в команду и не мешать? — настоял я на всякий случай.

— Обещаю, — грустно улыбнулся он.

— А это сколько килограмм денег?

— Мм, не знаю даже, — запнулся Руслан. — Килограмм двести?

— Отлично! Всего наилучшего!

Приободрившись, закрыл за собой дверь и выудил из кармана сотовый.

Чуть опешивший (впрочем, как после каждой беседы с Максимом) Руслан Артемьевич мотнул головой, выгоняя из ушей странные, явно слышавшиеся слова:

«Алле? Толик? Как там с заводом? Еще полгода на проект? Отлично! Грузи на «газель» двести миллионов и вези ко мне... Это килограмм двести-двести пятьдесят, весы там найди. Мне на месяц, есть верное дело. Ага, жду».

Потому что у ребенка не может быть двести миллионов! И их нельзя возить на «газели»!

Нет, ему точно послышалось. Или не послышалось? Тогда что за завод? И какой еще Толик? Нет у Самойловых никаких заводов, Толиков и двухсот миллионов на счету! О последнем Руслан знал точно, оттого обещание давал с легкой душой.

Значит, показалось.

И вообще — у него нога! Которую, посоветовавшись, было решено лечить традиционными методами, чтобы Максим в полной мере ощутил ответственность за свои поступки. Ну и потому, что с ограниченной мобильностью Максим менее опасен для окружающих. Руслан скептически посмотрел на раскрытое окно и признал последний довод довольно наивным.

В общем, по всеобщему молчаливому согласию соревнования должны были состояться без Максима. Руслан искренне считал — к лучшему. Слишком жестокими могут быть высокородные дети: уровень опасности, особенно с такими призами, запредельно высок. Заодно три специально подготовленных клановых отряда не обидят его, выиграв.

Да и что переживать — не найдет он двести миллионов. Так что все нормально. Все будет хорошо.

Руслан поймал себя на том, что говорит успокаивающие слова вслух, как мантру, перемежая глубоким дыханием.

«Брр, совсем мозги плавятся, аж горелым пахнет... Или действительно пахнет?» — замер он, склонив голову.

«Внимание, пожарная тревога!» — развеял сомнения приятный женский голос.

— Ма-а-акси-им!

Стекла дрогнули от жуткого голоса, а где-то за дверью еще шустрее захромал отдельно взятый восьмиклассник.

Стук трости гулко разносился по пустым коридорам, исчезая в распахнутых дверях и пролетах лестниц. Есть в этом непередаваемое удовольствие — щелкать прорезиненной накладкой по мрамору пола, добиваясь особенного, солидного эха. Но для этого нужно одиночество, чтобы чистый звук не перекрывала чужая суета. Ну или чтобы остальные замерли, как Пашка на скамейке возле расписания. Он даже не повернулся, так и сидел, будто составлял единое целое с деревянной скамьей, сотканной из продольных досок и затейливых кованых ножек. В противоположность легкой на вид конструкции, Пашка памятником самому себе нависал монолитом иссиня-черного костюма и белой рубашки над краем скамьи, уставившись на волнорез между бежевой и белой горизонтальными полосами на стене. Появилось желание пройти мимо и не тревожить, но и шанс упускать совсем не хотелось. Все таки надо объясниться.

— Там эвакуация, — присев рядом и приготовившись к разговору, произнес я нейтрально.

Пашка вздрогнул и медленно повел взгляд от точки на границе двух цветов в мою сторону.

— Извини, — поспешил я сказать то, что не успел в прошлый раз.

Парень некоторое время смотрел на меня с непонятым выражением лица, потом хмыкнул, погладил выбритую налысо голову и вернулся к созерцанию стены.

День назад он мог похвастать красивой шевелюрой, отливающей блеском, как шерсть у кота после шпрот. Неловко вышло.

— Я не хотел. — Не дождавшись ответа, продолжил говорить. — Думал, ты замерз. Кофе вынес. А у тебя зонт загорелся, и огонь на волосы перекинулся. Не потушишь — след на всю жизнь останется. Вот и... Правда, извини.

Пашка дернул плечом, то ли соглашаясь, то ли показывая раздражение.

— А хочешь в мою команду? — рискнул я. — На соревнования.

— Двести миллионов, — без капельки эмоций произнес он.

Но — ответил!

— Да это ерунда, — отмахнулся я, с энтузиазмом зацепившись за нить разговора.

— Двести миллионов? — добавил он скепсиса в голос, голова же не повернулась ни на градус.

— Конечно!

— А у меня нет двухсот миллионов, — сказал он по-прежнему равнодушно.

— Так у меня есть, — потеряв терпение, уселся я на пол так, чтобы он смотрел на меня, а не на стену.

Правда, ногу пришлось вытянуть и трость отложить в сторону, но это мелочи.

— У тебя есть, у меня нет. Ювелиры — они богатые. А у нас только проблемы...

— Ладно, — хмыкнул я. — Хочешь, дам тебе в долг две сотни моих миллионов?

Пашка вопросительно поднял брови.

— Там ведь залог все равно отдают назад. Я серьезно.

— А отец твой что на это скажет? — со странным выражением лица, в котором было больше недоверия, чем надежды, спросил парень....

Но надежда — она была! А мне без разницы, кто внесет деньги за нашу команду.

— Это мои личные деньги, — подчеркнул я голосом. — Мне за них отчитываться не надо. Но будет условие, — поднял палец.

— Проценты? — вернулась к нему обреченность.

— Возьмешь к себе в команду меня, Федора и Артема из «А» класса.

— Хм, — задумался он, пытаясь скрыть слабую улыбку. — А пятый кто?

— Ты капитан, тебе решать, — торжествуя, не поддался я радости и постарался сохранить солидность. — Но я рекомендую девчонку. Через неделю — танцы.

— Найдем, — утвердительно качнул он головой, на глазах становясь румяней и веселее. — Только это... — К нему вернулся испуг. — Ты серьезно?

— Слово! — хлопнул я ладонью по полу.

Кажется, получилось!

— Не шутишь? То есть извини! Так это здорово, правда! Я все папины проблемы с призовых закрыть смогу! — подпрыгнул он на месте.

— Каких призовых? — недоуменно повел я взглядом в сторону щита с информацией.

Не было там никаких призовых! И, кроме туманного обещания достойной награды вместе с титулом победителя, тоже ничего не было!

— А ты не знаешь? — настороженно спросил он.

— Медаль золотая? Ценный сувенир? Медаль и сувенир? — предположил я и получил в ответ настолько шокированный взгляд, что тут же с возмущением оправдался: — Да не написано там!

— Давай я сначала верну тебе твое обещание? — с грустью сказал Паша.

— Да ерунда, — махнул я рукой. — Seriously. Что там вообще такого может быть?

Хотя за двести миллионов обязано было быть, но у аристократов довольно часто признание и статус стоят дороже денег. Странные они.

— Ну... Алюминиевый комбинат, ГЭС и двадцать миллиардов, — с кривой улыбкой выдал он.

А нет, не странные. Вполне такие нормальные — все как я люблю.

— Так я возвращаю слово? — посмотрел Паша чуть нервно, тщательно закапывая надежду под кубометрами безверия и тоски.

— Нет, — задумчиво погладил я трость.

Надо будет по алюминию книжки почитать.

— Ты не подумай, я на станцию и комбинат не претендую! — замахал он руками. — Просто очень деньги нужны.

— Все в силе. Так даже интересней.

— Здорово! То есть... Выиграем, ты не переживай! — с жаром произнес Пашка.

— Само собой выиграем, — отмахнулся я, поднимаясь с пола. — Только придется подойти к подготовке посерьезней.

— Конечно!

— Значит, займемся прямо сейчас, — подошел я к нему и отстегнул тонкую цепочку от скамейки и от петли его брюк.

— Э-э... — ошарашенно протянул он.

— А то опять сбежал бы, лови тебя потом, — буркнул я, сматывая цепь обратно в карман.

— Ты нормальный вообще?! — искренне возмутился Пашка, поднимаясь.

— Отставить! Кто из нас капитан? — рывкнул я в ответ, пресекая ненужную панику.

— Я! — изобразил он стойку «смирно».

— Вот именно! Так что кругом марш и вперед — искать девчонку, которая хорошо танцует!

И первым направился в сторону выхода и лестничных пролетов.

— Есть!.. Слушай, — замялся он после третьего шага от бедра и перехода на нормальную походку. — А у тебя какое звание в нашей команде?

— Маршал. Но поскольку это сухопутное звание, главный на корабле ты.

— А, ладно, — успокоился он, но изредка поглядывал со странным сомнением. — А как мы будем ее искать?

— Обстановка на нашей стороне, капитан! Эвакуация! Все кандидатки собраны перед школой.

— Значит, идем туда? — посмотрел он сквозь окно на веселую массу учеников и учителей, с любопытством наблюдавших за работой пожарного расчета.

Кровлю все-таки немного пожгло, но было куда больше дыма, чем огня, — я на всякий случай проверил, предусмотрительно отправившись после крика Руслана не вниз, а на крышу.

— Нет, капитан. Мы идем в учительскую, потому что там есть микрофон, соединенный с уличными динамиками.

— О! Мы объявим о поиске через усилитель!

— Только не о поиске, а о конкурсе, — поправил я его. — Жестком отборе! Ультимативных соревнованиях! За право выступать в лучшей команде мира!

— Так и сделаем!

— Отличное решение, капитан!

Пашка гордо приосанился и погладил невидимый погон.

— Только объявлять будешь ты, потому что я пока медленно бегаю.

Мы остановились перед раскрытой дверью, с внезапно накатившей робостью оглядывая заваленные бумагами столы, оставленные в спешке сумки и личные вещи — так, наверное, чувствуют себя рыцари на пороге логова дракона.

— Ну же, никого нет, — нетерпеливо обернулся сэр Макс.

— А если они вернуться? — заозирался сэр Павел.

— Мы услышим их поступь и выскользнем быстрее! — В тон словам разрезал воздух меч-трость.

— Но если они узнают, что мы тут были?

— Какая разница, ведь мы не тронем их сокровища!

— Т-ты недооцениваешь их коварство и злопамятность!

— Тогда мы примем бой плечом к плечу!

— За драку нас точно выгонят, — обреченно заявил сэр Павел.

— Нет, там другая схема. Победивший дракона сам становится драконом.

— А? — растерянно повернул он голову.

— Точно говорю, я так директором стал. Да не переживай, все будет хорошо.

...И остановились они перед мистической конструкцией из серебристого металла и теплого дерева, что преумножает голоса.

— А что говорить? — тяжело сглотнув, коснулся Паша трубки.

— Сегодня в шестнадцать часов в спортзале. Хотя нет, лучше дай номер моего сотового, пусть шлют эсэмэски, а там всех сориентируем. Погоди, сейчас я тебе текст напишу, —

подхватил я чистый лист из лотка принтера и большими буквами, чтобы читать было удобнее, записал речь. — Вот.

— «Ясноокая дочь... аки цапля длинноногая»... Сам такое читай, — забраковал мой труд Пашка и решительно поднял микрофон со стойки.

Хотя тоже неплохо справился — оценил я в процессе заблаговременного тактического отступления. Заодно показался на глаза Руслану, стремительно пробивавшему дорогу к входу через океан детворы.

— Это не я! — поспешил поздороваться, разумно отгородившись двумя группами первоклассников.

Потому что пробиваться через них — здоровьем рисковать. Я вот, пока шел по самому краю, остался с прокушенным в двух местах рукавом.

Руслан замер, глянул на меня, как Лайка на вторую котлету, — внимательно запомнил и зафиксировал положение и продолжил движение. Надеюсь, Паша успеет сбежать.

А через пятнадцать секунд начали приходиться первые эсэмэски.

Но вообще, нормально день прошел — так я думал ровно до того, как зашел вечером в подозрительно тихий холл родного дома.

На широком диване, установленном в центре, расставив ноги и скрестив руки на груди, с одинаково сосредоточенными лицами расположились отец и учитель. И ни следа Федора и сестер. Тревожное чувство цапнуло за живот.

— Я начинаю подумывать устроиться в его школу на работу, — поделился отец мыслью с наставником. — Все равно каждый день там бываю.

— А я с Пашей помирился, — бодро улыбнувшись, решил начать с позитива.

— На секундочку, — мягко произнес учитель моему отцу, плавным движением поднялся и скрылся за кухонной дверью.

Тут же донесся вопль, исполненный ярости и отчаяния. Затем дверь мягко открылась, и чуть порозовевший наставник, лучась загадочной и доброй улыбкой, медленно вернулся на свое место.

— Так, — мягко произнес он.

— Мы теперь в одной команде, — продолжал я с прилипшей к лицу улыбкой, тщательно подавляя желание немедленно сбежать.

Потому что, во-первых, это несолидно. Во-вторых, далеко на одной ноге все равно не получится.

— Это с тем мальчиком на видео, — обратился наставник к отцу, указывая на прямоугольник планшета, до того незаметно лежавший в углу дивана.

— Какое видео? — заинтересовался я и даже шагнул поближе, чуть приподнявшись и опираясь на трость.

— А вот, просто замечательная запись, — нарочито бодро ответил папа, включил планшет и положив его себе на колени.

Пришлось обойти диван справа, чтобы заглянуть через плечо.

На экране легко узнавался спортивный зал, снятый с высоты и чуть по диагонали. Видимо, одна из камер наблюдения, спрятанная в настенных рисунках или под решетками вентиляции. Дата в правом углу — половина шестого, сегодня, да и настенные часы попали в кадр.

— Узнаешь?! — грозно прорычал отец мне в ухо.

А в середине кадра — длинная очередь из девчонок, сытой змеей обвившая два

стульчика со мной и Пашей. Мы вооружены блокнотами и внимательно рассматриваем двух конкурсанток, слегка неуклюже танцующих возле спортивных шестов.

— Ага, это Катя Краснова и Елена Мудрая из десятого «А». У Кати четверка за пластику и троечка за артистизм, ну вы сами видите. А Елена прошла в следующий тур.

— На секундочку, — после короткой паузы произнес наставник, вновь плавно поднялся с места и опять исчез за дверью кухни.

На этот раз вместе с воплем определенно что-то разбилось, причем упав с высоты.

— Хорошо-о, — вернувшись, вздохнул, делаясь своим состоянием, учитель.

— Максим, — с легкой опаской покосившись на старика, решил быть чуть помягче отец. — Мы, разумеется, рады тому, что ты подружился с Пашей.

— Но зачем было ссориться со всеми семьями девочек в школе?! — разъяренным медведем возопил наставник.

— Да я не ссорился, — пожал я плечами.

— Ты понимаешь, что за эти твои туры и конкурсы отцы вот этих вот девочек тебя завтра подвешат за здоровую ногу и скажут, что так и было?!

— А мы результаты еще никому не объявляли, — спокойно сказал я в ответ. — И на конкурс каждая из них пришла сама.

— Д-да? — выдохнул папа воздух, заготовленный для обличительной фразы.

— Мы же понимаем все, — пожал я плечами. — Потому подарки не брали, в гости идти не соглашались.

— А приглашали? — заинтересовался папа. — Кто?

— Примерно пятая часть, эсэмэсками. Правда, две лично подошли. Но это ко мне, не знаю, как у Паши. Его уволокли куда-то потом, я не видел.

Жалко парня, тяжело ему без костыля отмахиваться. Но да ладно — главное, блокнотики с оценками я сберег.

— Хм, — задумался отец. — Выходит, что...

— Ничего хорошего не выходит! — категорически махнул старик рукой. — То, что эти ваши девочки думают — вообще ничего не значит! У родни будет свое мнение!

— Но мальчики еще ничего не успели натворить, — встал на мою защиту папа.

— Их счастье, — выдохнул учитель. — Ни один отец не позволит, чтобы красоту и способности его дочери оценивали два шкета. То, что додумались не объявлять лучшую, выдает хоть какой-то признак наличия мозгов! Может быть, даже обойдется. Но конкурс непременно надо закрыть, красиво, с подарками каждой девочке! Одинаковыми!

— Заодно устроим рекламную акцию, — успокаивая скорее старика, чем меня, произнес папа. — Как раз есть легкие в изготовлении, но очень полезные кулоны. А там новые заказчики появятся, верно, сын?

— Верно, — кивнул я, ощущая, как на плечи ложится камень вины и обязательств. — А вот... мы ведь не просто так все устроили...

— Думать забудь, — построжел отец. — Выделишь кого-то — остальные порвут на мелкие лоскуты. И подарками тут не отделаться.

— Скорее, родители запретят девочкам признавать себя победителями. Им тоже проблемы не нужны, — успокоился старик, откинувшись на диван.

— Девчонок жалко, — понимая, что спорить бесполезно, все же робко вставил я.

— Мм?

— На соревнования хотели — не выиграть, так хоть посмотреть. Говорили, там принцы

будут. Только взносы такие сделали, что шансов попасть нет. Вот и пришли почти все — мы ведь пятого человека в команду искали.

Для них это действительно было очень важно — оказаться рядом с вышей аристократией империи, побеседовать, понравиться и запомниться. Девушки дышали этой надеждой, даже становилось неловко — именно поэтому мы спрятали все оценки и условились ни под какими пытками их не выдавать.

— Сын, извини, но у нас тоже нет денег на участие, — виновато улыбнулся отец.

— Вот, — обратился старик к нему. — Не зря панику подняли. Это ведь если бы после всего еще и соревнования сорвались, какой бы скандал вышел!

— А вот если бы у меня были деньги, — припомнив разговор с Русланом, решил я получить разрешение втемную, — вы бы не мешали мне участвовать?

— Разу... — начал папа.

— Мы подумаем, — прервал его старик, жестко посмотрев на соседа по дивану.

— Что? — возмутился тот.

— Еще не хватало, чтобы кто-то в городе ограбил банк!

— Да я в жизни не стал бы банки грабить!

— Вот! — поднял палец папа, гордый за сына.

— Инкассация наиболее уязвима!

— Стоять! — рявкнул он, не опуская руку.

— Но и ее я грабить не буду. — Заметив чуть подергивающийся краешек папиного глаза, добавил: — И никого не буду. В этом году.

— Сын, — вздохнул он, обхватив голову руками, — ну почему ты не обычный ребенок! Такой, чтобы плохие оценки были максимумом твоих проблем!

— Но-но! Я не какой-то обычный ребенок! — уловив момент, я с важным видом выудил дневник и распахнул на странице с одними пятерками. — Физика, математика, физкультура — и это с костылем!

— Другой дневник, — мрачно протянул раскрытую руку отец, игнорируя протянутую книжицу.

— А?

— Максим, у вас в школе электронный дневник с доступом через Интернет.

— Какая подлость — молчать об этом! — возмутился я искренне.

— Дневник, Максим!

Но пути отхода, увы, не придумывались.

— Итак, — распахнул папа копию первой книжки, широким жестом призвав в свидетели наставника.

— История — два. «Написал в контрольной о своем детстве». Зачем?!

Они сами хотели знать биографию Императора!

— Химия — два с плюсом. «Собрал самодельное взрывное устройство». Как?! — возопил папа Михаил.

— Самостоятельная работа, — повел я плечом. — Это должен был быть салют.

— И они дали вам реагенты?!

— Нет, но я подготовился и принес свои, — счел правильным пояснить. А затем, после настороженной паузы, добавил: — А учитель и до меня седой был...

— Ма-акси-им!!!

Сверху, с лестницы, донесся хруст и лязг вышибаемой двери, и через короткое время

сверху показались сестры и брат с перепуганными мордашками, они мигом слетели ко мне и обняли, защищая.

— Все в порядке, — поспешил я успокоить их.

— «Возможно, поджег школу», — опешив, поднял на меня взгляд папа. — Что значит — возможно?!

— Они сомневаются.

— Все, сын, мы переводимся, — глухо произнес он, зашарил по карманам, затем шагнул к полкам у стены и выудил из верхнего ящика сигареты.

Щелкнула зажигалка. А с моего пояса пропали две пары рук. Катя и Тоня глянули на курящего отца, затем на меня, сверкнули слезами обиды и обвинения в глазах, затем развернулись и ушли к себе в комнаты.

— Это и моя вина. Не смог научить, — закричал, поднимаясь, старик. — Завтра я съезжаю, — бросил он, направляясь на кухню. — Мой контракт уже кончился.

Отец молча вышел на улицу и мягко прикрыл входную дверь.

Только Федор остался и не отпускал меня никуда. Так бы я, наверное, тоже нашел куда пойти. В Верхний Новгород, например.

— Все будет хорошо, — заверил он меня, прижимая сильно-сильно. — Завтра мы извинимся, и нас простят. Только ты больше так не расстраивай папу, пожалуйста!

Защипало в глазах.

— Обещаю.

Пара месяцев на новом месте — достаточный срок, чтобы случайно приобретенные вещи заставили изрядно задуматься, как упаковать их в два габаритных чемодана, с которыми прибыл в этот дом. Впрочем, не самая великая проблема — кое-что можно оставить, например, преподнести в дар хозяевам учебники и учебные пособия. Часть обезличенных безделушек бросить в урну, предварительно сломав так, чтобы не возникало искушения починить и вернуть владельцу. Главное, не забыть вещи, которые захотелось бы отослать вдогонку. Потому что эта личина не имеет адреса, а фамилию и имя, указанные в документах, никто не свяжет с его внешностью — если только по паре-тройке фальшивых телефонов, которым предначертано навеки замолчать через неделю. Хотя облику тоже суждено измениться.

Холод из раскрытого окна помогал двигаться быстрее, покрывал изморозью ледяной логики мысли и эмоции. Его дела ныне завершены, настало время уходить навсегда.

Основную угрозу от Максима он убрал, мягко и ненавязчиво подтолкнув Михаила к очевидной мысли о смене школы. А в стенах обычного заведения бояться совершенно нечего — там не будет родовитых, не будет их семей, а значит, и конфликтов значимой величины. Даже если Максим все там сожжет, семья с легкостью откупится.

Хватит с него двух месяцев в отрыве от клана и рода. Свой долг он выполнил с довеском, начиная с учебы, завершая прикрытием в порту. Сила вернулась в прежнем объеме, а уж это — надежный показатель. Можно уходить. Совесть чиста. Но раз так, то почему он раз за разом пытается себе это доказать?

Старик присел на кровать рядом с распахнутым, словно пасть бегемота, чемоданом и незряче уставился в темноту дальнего угла. Да, у Максима остались проблемы. И наверняка будут новые — так всегда бывает в этом возрасте, когда кровь говорит голосами предков сильнее, чем собственный разум.

Там, в веренице благородных предшественников, не было ни одного, кто сомневался бы в своем праве затопить два корабля за оскорбление. И уж тем более никто из них не ставил под вопрос правильность своих решений, всегда считая их истинно верными и правильными. Другое дело, что у предков был разум взрослых, образованных людей, сила за плечами и наработанное десятилетиями мастерство интриги. Мальчику же пока достались только порывы. Дело известное, изученное, оттого в его возрасте переживаемое в удаленном дворце, под надзором наставников и воинов рода, которые и обучить могут, и по шеям надавать, пока дворец окончательно не разломали. Хотя совершенно непонятно, откуда эта мания стать императором...

Выходит, что винить во всем Максима — нельзя. Рассказать правду, забрать к себе и помочь — тоже нельзя, политика-с. Остаться здесь? Но он ведь не может бросить весь род ради одного юного и непоседливого представителя! Не может. Он сделал все, что мог. Все.

Раздраженно дернувшись от вновь полетевших по кругу мыслей, старик выудил из подкладки чемодана тонкий прямоугольник ноутбука и распахнул, расположив прямо поверх сложенных стопкой вещей.

Мягко вжикнули вентиляторы, разгоняя покой спящего режима операционной системы. Блеклый свет экрана отразился на противоположной от окна стене — не следовало никому даже случайно подглядывать за его содержимым. Плотнo закрыв и зашторив окно, старик потянул из боковой панели ниточку наушника с микрофоном, вызвал программу-терминал шифрованной связи и... с легкой неуверенностью нажал на вызов.

— Мы спим, — послышался после нескольких гудков недовольный девичий голосок. — И ты спи, деда.

— Тьфу, нашел у кого совета спрашивать, — чертыхнулся старик, сматывая наушник и упаковывая аппаратуру обратно.

Затем посмотрел на распахнутые чемоданы, разложенную здесь и там одежду — лежащую стопками, висящую на вешалках и на спинках стульев. Аккуратно сгрузил все на пол, забрался прямо как был, в одежду, под одеяло и закрыл глаза.

— Завтра все решу.

Недостойное его статуса поведение принесло настолько сильное облегчение, что он заснул за единое мгновение.

Бывают в конце осени тихие, яркие дни — с чистым небом и добрым солнцем, покрывалом золотых листьев и ветром, что затаит дыхание, глядя на эту красоту. Особенно прекрасен такой день ранним утром — без спешки, шума автомобилей и людской суеты. Не каждому дается шанс увидеть такое, но тем, кто сподобился встать еще до рассвета — определенно повезет.

На окраине города, посреди малоэтажной застройки, огороженной невысокими заборами, в утренний час медленно катили две машины, непохожие друг на друга, как богатство и бедность, — черный лимузин и выдавший виды белый грузовик. Но и через тонированные стекла, и сквозь лобовое стекло с паутиной трещин одинаково внимательно всматривались в указатели на домах, запутанные и совершенно бестолково развешанные, как это частенько бывает, когда очень старые дома соседствуют с новостроем.

Однако каждому поиску суждено завершиться, и вскоре странная пара синхронно нырнула на дорогу, ведущую к огороженной территории, и остановилась прямо посреди большой, но неглубокой лужи, оставшейся на память от ночного дождя. Вода плеснула испуганной волной под колесами, но тут же замерла, отразив хромированный диск длинной машины, а затем, на фоне неба, распахнутые двери. Из водительской мощно вышагнули военные берцы, из пассажирской же для начала показалась массивная трость темного дерева, а потом и лакированные туфли ее хозяина, не спешившие касаться воды.

Ко второму мужчине тут же подскочил молодой помощник, предложил руку, чтобы опереться, — ибо тот носил трость не просто так, а, судя по неловким движениям и подволакивающейся левой ноге, действительно в ней нуждался.

— Так постою, — отмахнулся мужчина и с неприкрытым интересом принялся изучать невысокое, в два этажа, здание за изящным забором и яблоневым садом в десяти метрах перед собой.

Двери автомобиля так и осталась открытыми. Впрочем, будь они оставлены даже без присмотра, опасности для имущества практически не было — номера длинной машины работали лучше всякой охраны и замков. Вернее, их отсутствие — ни цифр, ни букв. Один герб из потемневшего дерева с чуть грубоватой резьбой. Редкое явление, для людей простых означающее только одно — лучше не связываться. Людям же служивым герб терпеливо давал ответы на все возможные вопросы: да, мы провозим оружие; да, может быть, мы даже нарушили закон; нет, вы не можете нас остановить. А еще вы не можете остановить плохонькую «газельку», что прикорнула в пяти метрах за роскошным лимузином, потому что она под нашей защитой.

[Купить полную версию книги](#)